

**Александр
КОСТЮНИН**
г. Петрозаводск

Остров откровения

(Дневник писателя)

ПЁРЫШКИ

- А зачем вы впутались в эту историю, писатель? Зачем вам Зона?
- Вдохновение, профессор, вдохновение. Иду выпрашивать.
- Так вы что, исписались?
- В каком-то смысле.

«Сталкер»

– Я, дурак, жалею, не взял тогда журнала. Возможность была...

Это случилось в районе Диксона, на небольшом скалистом утёсе в северо-восточной части Карского моря, при выходе Енисейской губы в Северный Ледовитый океан. Мы остановились там с экспедицией на одну ночёвку. На острове всех строений – домик метеорологов. Лишь в одном месте можно посадить вертолёт, да и то нужно быть малой авиации великим гуру: мешали установленные на метеоплощадке два флюгера и антенна. Из вертолёта захватили спальники и малую толику продовольствия, с расчётом на вечер. Заходим в дом... Чувствовалось, давным-давно здесь никто не бывал – затхлый запах сырости встретил, едва переступили порог. С полу я

поднял влажную книгу в коричневом переплёте: «Наставление гидрометеорологическим станциям и постам» – утверждено Главным управлением гидрометеорологической службы при Совете Министров СССР, 1967 год. Полистал, отложил в сторону, огляделся. Всё хранило на себе явные признаки запустения: дверцы настенных шкафчиков распахнуты, на пыльной полке в гордом одиночестве томилась надорванная пачка с остатками грязно-серой соли, на столе банка из-под рыбных консервов с закамневшими окурками. Там же, на столе, и лежал этот журнал: обложка в бурых витиеватых разводах, листы обычная домовая книга, обшарпанная, но целая. На титульном листе заголовок: «Книжка КМ-1 для записи метеорологических наблюдений». Учёт вели два дежурных, строчки аккуратные, убористым почерком, выстроены в столбик:

Температура воды...

Направление ветра... метров в секунду;

Температура воздуха... (сухой термометр, смоченный, минимальный (спирт, штифт);

Облачность (высота нижней границы, форма облаков);

Количество осадков... в миллиметрах.

И цифры, цифры, цифры...

Значение одних разгадал бы и несведущий, но большей частью какие-то коды, значки для посвящённых. Изредка в эти сухие сводки врывается эмоциональная мирская запись:

«До вертолѐта 29 дней. Ура!!!!!!!!!!!!!!»

Страницы сменяли одна другую. Таяла вождь-ленная цифра, отделявшая затворников от возвращения на Большую землю. Осталось «20 дней», потом «17», «10», «9»... Упоминание о вертолѐте стало более частым, нетерпимым... Понятно, люди небалованные, привыкшие к испытаниям, но, как ни крути, на Большой земле их ждут блага цивилизации: тут тебе и бесперебойный электрический свет, и паровое отопление, и тёплый санузел с треном, блистающим белизной... Вечером – любимый фильм с пивком в уютном кресле или новости с чашкой ароматного сладкого чая. Да мало ли что ещё... Остаётся лишь определиться с выбором (одной рукой не ухватишь за грудь и за...). Да, самое главное на далёкой Большой земле – любимые жѐны, дети.

А к тому времени, судя по данным метеонаблюдений, раздухарилась, разбуянилась осень с резкими скачками атмосферного давления, хлѐстки порывами шквалистого океанского ветра, первыми ночными заморозками и неистовыми штормами. Приближалась зима. И вдруг обратный отсчѐт обрывается...

Спустя несколько страниц сдержанно-гневная надпись:

«3-й день нет вертолѐта»

Начиная с этого места, в череде служебной информации – лаконичных, не допускающих суесловия сводках – обязательно следовала приписка. Почерк менялся через день: то он аккуратный, красивый, с одинаковым уклоном вправо, то дѐрганый, насилиу читаемый. Цифра неудержимо росла, не менялся лишь текст:

«5-й день нет вертолѐта», «6-й...», «7-й...»

Фразы становились драматичнее:

«Кончилось питание рации».

«Топливо – на нуле. Хоть разбирай домик и жги по доскам».

«Сегодня закончились последние продукты».

«Пятые сутки голодаем!»

Затем, скорее всего в нарушение «Наставления», стали появляться литературные перлы. Точно алмазы в пустой породе. Цветы на асфальте!.. Язык из официального, сухого, становился богаче, образней, гуще...

«Суки! Забыли про нас».

«Гады, немцы!» [1]

«Вернусь, контору сожгу нах...й!!!»

А дальше – стихи... Яркие, душевные!.. Про Северный Ледовитый океан, про маленький островок, затерянный на бескрайних просторах, про тепло человеческих отношений и крепкую мужскую дружбу. Я жадно вчитывался в строки, пылающие огнём русского языка, представляя себе двух суровых бородатых мужчин, голодных, замёрзших... забытых. И, главное, внизу такая приписка:

«Сие – мои первые поэтические творения!»

С тихим восторгом перелистываю очередную страницу. Наотмашь бѐт крик:

«Ваня сука!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!»

И ниже, как ни в чём не бывало, ровным каллиграфическим почерком:

Температура поверхности почвы... (срочная, минимальная, максимальная);

Влажность (гигрометр, точка росы)... в процентах; Ветер (направление, скорость, максимальный порыв);

Давление (термометр при барометре, отсчѐт)... в миллибарах.

И цифры, цифры, цифры с точностью до десятых...

Отлично помню, обращение «Ваня» не было оголожено запятыми, как то предписывают консервативные правила грамматики, но, поразительно, фраза ничуть не проиграла от этого. Сколько экспрессии, чувств! Искренних чувств к ближнему.

Последние сводки, странное дело, писаны одним почерком – аккуратным, наклонным. Второй, дѐрганый, трудночитаемый, исчез...

* * *

Ближайший поезд в Беломорск уходил в час ночи.

Я расположился в зале ожидания, в углу, подальше от входа, от любопытных глаз, расспросов. Достал из рюкзака сочную копчѐную колбасу, свежий ржаной хлеб, помидор, огурец. С аппетитом перекусил. Сверху, на десерт, – шоколадный батончик.

Запил из фляжки холодной колодезной водой. Уплетать эти яства было тем приятней, что впереди – строгий пост. Прекратить любимую трапезу прямо сейчас не смел. Рано... Может случиться, в последний, самый решающий момент не хватит духу, откажусь от задуманного, и затея сорвётся. Аргументы желудка перевесят, заглушат все остальные. Нетушки! Нужно продолжать тело холить, ублажать лакомствами и, лишь когда ничего изменить нельзя, предложить довольствоваться пищей духовной. Исключительно! Чтобы и результат на выходе был соответствующий (человек по сути – мясорубка: что запихнёшь, то и выйдет). Да, я наконец отважился высадиться на необитаемом острове, искусственно создать «пограничную» ситуацию, принудить (!) к творчеству обожаемое естество, коли не хочет по-доброму... Срок заключения наметил пять суток. Пять дней и ночей. Вода на завтрак, обед, ужин... на полдник с ленчем. Собираюсь на время оградить себя от мира сего, отключить назойливый гам людской – «mute» нажать. Ввести строгий карантин для тела, разума и души. Хочу сосредоточиться на главном!

Расчистить путь духу!

Чтоб вокруг только я и Бог.

И тогда вымолить у Него новые строчки...

Все остальные методики перепробовал. Не помогло...

От традиционных: «Учиться! Учиться! И ещё раз учиться!» – до экстравагантных, новомодных... Знакомые тоже не остаются безучастными – советы раздают щедро (все мы родом из Страны Советов!). Встречаются, правда, рецепты совсем неожиданные... Сосед, к примеру, настаивает сменить фамилию:

– С какого перепугу? – изумился я.

– Она у тебя безликая. Выбери что-нибудь респектабельнее, типа Ватман, Рейсфедер, Кульман... Штангенцикуль, в конце концов. Вон у Малевича – каляки-маляки, нецветной квадрат, зато прославился. А ты бы, в пику ему, чёрный треугольник изобразил! Краски уйдёт в два раза меньше.

– Я не рисую – пишу.

– Какая разница?..

Вышел на перрон.

Влажная морось фантастическим гало окружающая фонари.

Репродуктор громко скартавил:

– Внимание! С юга по втор-ррому пути проследует маневр-рровый. Г-ррраждане пассажиры, будьте озор-ррожны, не приближайтесь к краю

платформы! – через минуту вдалеке показались три ярких огня, нарастал ритмичный гул: «тудун-дудун...», «тудун-дудун...», «тудун-дудун!» И неожиданно... в моём взлохмаченном, настёганном сознании бегущей строкой мелькнула фраза:

Поезд в час ночи тьму разорвёт...

Я перестал дышать...

Товарный состав приближался. Ступни улавливали дробь земли... Бормотание, погрохатывание вагонов усилилось: «тудун-дудун...», «тудун-дудун...», «тудун-дудун!» Моё сердце стучало ещё громче: «Дук-дук-дук!» И оно, пульсируя, вытолкнуло на-гора на свет божий следующую строчку:

Гул, стук колёс.

Отчаянье!

И дальше безостановочно:

*Вагоны, вагоны... Землю з-знобит
н-нервной*

дрожью

нечаянной.

Гулкое эхо скрипуче фонит:

«Нумерация с головы».

Тоска...

Посадку объявят и трескоток

слух царапнёт

у виска.

Безлюдный перрон равнодушен, тих.

И я, предъявив билет,

помедлив, навстречу своей судьбе

шагну

через сонм

«нет».

Товарняк прошёл, утащив следом лязганье, грохот, суету, а я стоял с блокнотом, не веря до конца в то, что произошло. Всё бормотал, бубнил едва родившиеся строчки. Первые ритмические строки в моей жизни. Возможно, строй их не образует гармонии... Но лесенка-то как красива?.. Без единого гвоздя, без топора. Я на верном пути! А ведь ещё вчера мог лишь срамную рифму вернуть на вопрос «где?».

Мне довелось однажды слышать, как маститые поэты, признанные мэтры стихоумножения, перекидывались профессиональными терминами, снисходительно поучая школяра-дециметра. Избранный пассаж я украдкой записал, неделю зубрил: «Русская просодия в её силлабо-тоническом классическом варианте требует строгого

выполнения ряда фонетических, метроритмических, орфоэпических и стилистических ограничений в части стихотворного размера, ассонансно-аллитерационного звукоизвлечения, рифмы, цезурирования, спондеев и пиррихий, структурного членения строфы и прочих формальных версификационных правил». Правда, мило?

Да, увы, мои строки несовершенно. Ежели их на Парнасе объявить стихами, за родню не признают, объявят «гадкими» и в итоге заключают. А затем спускают с этой ажурной стихотворной лесенки меня вместе с моими «смехотворениями». Уже давно прибыл поезд, я нашёл указанный в билете вагон, место, уложил вещи, под стук колёс устроился на верхней полке, а сам всё представлял, как инквизиторы от литературы вгоняют колкие слова, будто иголки под ногти:

*Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.*

Я, понятно дело, не стою кулём: обзываюсь, горю в ответ звукоряд гнусностей, пробую защитить своих крошек, но по существу предъявленных обвинений возразить не могу ни-че-го. Это – горькая правда.

Вагон на перегоне сильно трянуло... И...

Меня осенило: не нужно называть строки стихами!

Может, это проза такая. Ну да... Ритмическая проза. И вообще, проза с поэзией – родные сёстры. Чего ради их ссорить...

С этой сладкой, спасительной думкой безмятежно заснул.

Доставить меня на безлюдный остров взялся Семён Керчак – потомственный помор из местных. Кряжистый, угрюмый, шипастый. Раз в неделю он выходил в море на карбасе заготавливать водоросли. Туда – пустым, обратно – под завязку грузённый вяленным фукусом. На сегодня был запланирован очередной выход. В напарниках у него москвич с немусульманской фамилией:

– Салин, – представился щеголеватый мужчина, – почти «Сталин», только без «т». Андрей, по-аглички – анкл-Дрюня. [2]

– А по-карельски Оня!

Оня – школьный учитель биологии. Мужуку тридцать лет, а успел объездить в поисках романтики всю Россию. На Белом море этой дури оказалось с избытком, вот и проводит здесь третий отпуск подряд. Выходило, помором он стал не по происхождению – добровольно.

Затее моей не удивился ни тот, ни другой:

– ...На своей воле на одиноки идёшь. Бездельё –

тоже рукодельё! – философски заметил Керчак. – У каждого в голове свои тараканы, мои тараканы к тебе не перебегут. Увезу, какой разговор. Высажу на голыш.

Оня сориентировался по лоцманской карте, сделал пометку:

– Крестик мы тебе поставим здесь.

– Спасибо!..

ФАНТАЗИЯ!

Страшная сказка... превращалась в быль.

20 августа

Снаряжение я подбирал обстоятельно и на берегу, перед тем как отчалить, ещё раз всё сверил по списку: компас, спички, фонарик, часы, фляжка, нож, фотоаппарат, три чистых блокнота, две ручки, карандаш, запасные носки, кусок полиэтилена, дождевик, пара нижнего белья, носовые платки, туалетная бумага, комаринка... Ничего лишнего.

Оня заглянул в мой «поминальник»:

– Мазь можешь не брать. Комары там не выживают... А вот спальник возьми, я дам. И чайник понадобится, и топор. Скала безлесая, но штормом нет-нет да и выбросит брёвнышко. Плиту растопишь, попьёшь кипяточку, полегче станет. Пресная вода – в расщелинах...

– Нет уж...

Я не хотел брать воды даже из деревенской речки, которая принимала стоки бесчисленных бань. Мечталось непременно ключевой. Ближний родник, по-местному «талец», за семь километров от села. Пришлось ехать туда специально, но последнюю волю узника, ссылаемого на голодный остров, поморы исполнили...

Начинался прилив. В одиннадцать по полной воде отчалили.

Ветер выпал северный, резкий. Пока выходили из устья Колежмы, пока шли, прикрываясь островами, волны игриво ласкались, угодливо тёрлись о борта карбаса. Между тем ветер свежел на глазах, и стоило высунуться из-за Мягострова на простор, там уж поджидали бодливые барашки. Со всего бега они ударяли в носовину лодки, опять разбегались и опять били, окатывая нас холодной солёной водой.

– Не знаю, удастся ли подойти встречь волне, – Керчак всматривался в закипающее море с тревогой. – Можно тебя, конечно, ближе, на Борщовых ссадить, да там соблазнов много: избушка поживей,

в лесу грибы-ягоды, ларь с припасами: крупа, соль, макароны. Этта будет спокойно... Хотя, на всякий случай, полки в курене [3] нать осмотреть...

– Для чистоты эксперимента?

– Для него.

Разговор шёл на повышенных тонах, иначе море, словно бесцеремонная реклама по телику, слова не даст вымолвить, переорёт.

Оня от мачты пересел на корму, вплотную ко мне:

– Вообще, ты верно придумал. С голодухи один мужик пиитом сделался!.. – Я, дурак, не забрал тогда журнала.

И всю дорогу он рассказывал про метеоролога, который перешёл на рифму в силу необоримых обстоятельств, поневоле. Я слушал, а сам укреплялся в своей догадке всё больше и больше: «Значит, неспроста такая идея в голову пришла! Имеет она право на жизнь».

– Подходим! – гаркнул Керчак, перекрикивая гул двигателя и морской рёв.

Впереди по курсу, на расстоянии мили, возвышался каменистый тёмный хребет, будто подводная лодка, всплывшая на поверхность.

– Как он называется? – прокричал я в ответ.

– Никак! Безымянный. Длиной метров двести, в ширину меньше ста. Растительность – лишайники да несколько ягод. Матера [4] – в двадцати километрах по морю, связи нет. Со стороны горе, с другой – море, с третьей – болото да мох, а с четвертой – ох!

Оня задорно рассмеялся:

– Просил отвезти в самую задницу? Тебе повезло. Этот остров – центр её. Анус!

– Здорово! – с тихим восторгом вырвалось у меня.

– А назад когда?

– Може, в субботу приду, ране некак.

– Прекрасно, раньше не нужно...

– А хоть бы и нать, у тебя линейка [5] така.

К острову подходили с востока, затем вдоль подветренного берега напрямик в загубину к избе. Подпустив карбас метров на двести, с каменного пологого мыса поднялась пара огромных размашистых птиц. Белохвостые орланы! Приметный белый хвост, крючковатый клюв, сильные когтистые лапы. Они кружили над нами, подавая друг другу знаки. Оня с птичьего перевёл так:

– Возрадовались морские коршуны! Давненько не пробовали... печени человеческой.

– А вы, батенька, кровожадный.

– Человек человеку друг, товарищ и волк!

Карбас, несмотря на внушительные размеры, подошёл к берегу почти вплотную. Мужики помогли отнести в избушку бачок с питьевой водой, скромные пожитки, устроили «формальный шмонек». Керчак по-хозяйски окинул взглядом

обстановку, для верности пошарил рукой на верхней полке:

– Чисто! как и думал. Ни одной крохотки – живи спокойно. Доспевай... [6] И пиши.

Они пожелали мне удачи и отчалили. Сперва отталкивались шестами, выводя карбас на глубину, затем подняли парус, ладья стала удаляться, удаляться, пока не превратилась в точку. А потом в морской дали растворилась и она.

Всё.

Сегодня, 20 августа 2012 года, я остался на необитаемом скалистом острове.

В Белом море...

Один.

Зашёл в избу. В сутолке первых минут жильё рассмотреть не успел. Сейчас это делал не торопясь. Поморская изба просторная, светлая. Рубленая из вековых сосновых брёвен, с высоким потолком, она едва ли соответствовала скромному статусу лесной избушки и уж тем паче куреня (зря Керчак наговаривал). Вдоль стен широкие длинные нары, напротив входа вместительный обеденный стол, два окна, дровяная плита, плотная крепкая дверь. Что ещё нужно? Дух нежилой, не прибрано... Везде раскиданы стопки журналов, на полках пустые грязные склянки. Но это поправимо. Как учил мой любимый Экзюпери: «Встал поутру, умылся, привёл себя в порядок – и сразу же приведи в порядок свою планету». На верхней полке под руку попала пачка из-под печенья. В ней остаток кондитерской пыли – столовая ложка, не меньше. (Выбрасывать отчего-то не стал.) В коридоре запас чурок на топку. Мало. Эх! лучковку бы... На берегу заприметил сосновый топляк. Бревно, высушенное солнцем и ветром, аж серебрилось, но безпилы к нему не подступишься. Жалко. Август на Белом море уже не лето [7]. Я собрал журналы: все, словно на подбор, «Мир книг». На обложках популярные темы: «консервируем без соли» и – смачная картинка с аппетитными овощами в банке... (Нет, в данный момент глядеть такое! противопоказано.) На другой – любовная сцена из женского романа: томная красавица целует джентльмена: «Джуд Деверо. Первые впечатления». (Запоздали они с рекламой первых впечатлений.) На третьей обложке обыкновенный чёрт: огненный глазик, хищный вид. Подпись: «Кристиан Мёрк. Дорогой Джим». Нет, чего-чего, а хэллуинов [8] здесь не допущу. Это во власти моей. Я оторвал глянец, сунул в печь.

– Ну что, дружище Джимми, начнём?

Страничка, прославляющая чертовщину, загораться не хотела. С третьей спички...

Для пущей верности над окнами, дверью, в углях я

изобразил карандашом маленькие крестики – защита от нечисти. В журнале нашёл раздел, где рекламировались православные книги: «Вам поможет Пресвятая Богородица», «Жития святых», «Православный календарь 2009 года», «Святой великомученик Пантелеймон»... Это то, что нужно. Разворот согнул пополам – иконками к свету, обложкой внутрь – положил на подоконник. Пускай будут на глазах, вдохновляют, направляют. Как стрелка компаса в хаотичном поиске влево-вправо постепенно сокращает амплитуду колебаний и, окончательно определившись, указывает направление «на север», так душа человека устремляется к небу.

Душа зорче разума, она не заплутает, она выведет...

*К сосне вековой
притулившись спиной,
маску сбросив, молю:
– Во имя Отца и Сына
и Святаго
Духа...
Воистину Север – Юг
и Запад
с Востоком.
Стрелка магнитная, будь мне
оком.
Аминь!*

– !!!

Сжѣг бесовский лик, а может, напрасно? Може, лишнего наговаривают на товарища Дьявола, и люди по недомыслию изображают его в роли отрицательного героя? Что если миссия его необходима?! Зам. по оперативной работе – неблагодарная, собачья должность.

Застелил стол куском полиэтилена – взял с собой от дождя, на случай непредвиденной ночёвки в лесу – достал фляжку с водой и... пообедал. Затем никого заделья придумывать не стал, решил обследовать остров. Не для того, чтобы на манер Робинзона убедиться в его необитаемости, так, для порядку.

Рядом с избушкой – лесок. Телогрейкой накрыть! А между тем есть кустики черники, брусники. При желании соберу пяточку. Даже рябинка одна растёт, грозди оранжевые, незрелые – коли потянет на жор, кочевряться не будешь. Редкие кусты можжевельника плодоносили: рядом с зелёными бусинами зрелые – голубые. Попробовал на вкус – сладковатые опилки... Ещё в своих владениях обнаружил чёрные ягоды. Их называют кто шикшей, кто вороникой либо водяникой. И правда – на вкус водянистые, едва слащавые. Росли они на изумрудных колочках, ворсистым ковром устилающих

вершину. А крупные, розовые с беловатым бочком, дегустировать не посмел. И правильно сделал. От старожилов узнал: не ест их ни человек, ни птица. Гаже ягода. Пальцами раздавил, внутри будто пенный крахмал. Не ошибся, прихватив запас пресной воды. Питьевой здесь нет. В ложбинах по выше вода хоть и пресная, но тухлая, для питья не годная. А та, что прозрачная, пониже к урезу, во время шторма смешивается с морской – солоноватая на вкус. Хотя, может, (мелькнула догадка!) солоноватая по иной причине... Птицы подмываются в этих природных ваннах, оставляя благодарные размашистые отзывы. Пока перепрыгивал с камня на камень, чуть не соскользнул по склону на мокром лишайнике – он съехал вместе со мной, словно доска для виндсёрфинга. (А ведь Керчак предупредил!) Стал передвигаться осторожнее.

С вершины скалы открылась взору особая северная, неяркая красота.

И неукротимая мощь!

Колючая морянка, студёная, злобная, гнала высокую волну – предвестницу зимы, окантованную белоснежным гребнем. Волны с грохотом разбивались о скалистый берег, разбрасывая густую тяжёлую пену. А с подветренной стороны благодать... Штиль, тишина да редкие клики парящих чаек. Два тюленя, завидев меня, скользнули в воду с плоского камня и принялись нырять, точно играя в прятки, – мордочки гладкие, умильные, как у ластиющихся собачек.

Крики чаек... Ну-ка... ну-ка... Я машинально достал блокнот:

*Вольные чайки Поморья –
не чета
сородичам
помойным.*

*Город с прогрессным благоустройством
иное
считает
достойным...*

*А тут не летают троллейбусы
и без подогрева кровать.*

*Зато в Беломорье каждый тебе
при встрече
желает
здоровствовать.*

*Край здесь суровый и правильный.
На Севере просто не выжить хитря.
Ловчить, запираяться нет смысла...*

*Таким...
от медузы
не будет
жизнь!*

Чувство эйфории распахнуло душу навстречу хму-
рому ветру...

Потоптался на месте, подошёл к краю обрыва.
Поуспокоился. Опять переключился «на приём»:
остров мой представлял вытянутую гранитную
скалу, испещрённую глубокими расщелинами,
трещинами; с мола в солёную пучину уходили че-
тыре каменистых гряды – по-местному «корги» –
покрытых мхом и редким можжевельником. Буд-
то в морщинистой ладони великана покоилась
зелёная пушистая варежка...

Никогда раньше не отмечал по часам морские
циклы, сейчас такая возможность представилась.
По данным на 19 августа выходило: в 11.00 – мак-
симальный уровень, «полна вода», в 17.00 – мини-
мальный. Вода пошла на убыль – куйпога – в ми-
ровой ванне открыли сливную пробку. На глинист-
ом дне остались борозды: сказочный гигант во-
локом тащил упиравшееся море прочь от берега.
Дно оголилось – кечкара. По обсохшему морю
шанс добраться от острова к острову, до самого
материка. Куйпога, кечкара... До сих пор путался
бы в этих поморских терминах, кабы не тамошний
фольклор: «Готовился к свиданке – полна вода, до
дела дошло – куйпога!»

Непривычно идти по обнажённому морскому дну
с редкими лужицами грязи, обходя огромные об-
сохшие валуны, охапки фукуса, ракушек, медуз,
распластавшихся на песке фиолетовым заливным.

*Северный ветер траву пригнул.
Полна вода, куйпога.
Рукой подать до материка,
да шальна волна – не слуга!*

*А глянь, через шесть часов, чудеса:
не нужно плыть за кормой.
По морю ступай, аки посуху.
Кечкара – путь домой!*

Ну домой, положим, засобирился рановато... Пока
ещё не одолел ни одной ночи. Впереди десять отли-
вов, столько же приливов: в сутках две воды. Как вы-
яснилось позднее, цикл этот с каждым днём сдвига-
ется по часовой стрелке на тридцать минут.

Наступление воды во время прилива глазом при-
метить трудно. Не доходя одного шага до кромки,
сделал сапогом отпечаток на липком глинистом
дне – края ямки взбухли, образовав бортик. Засёк
время. Десять минут ушло на то, чтобы рассол пре-
одолеет расстояние в полметра, ещё минут десять –
и первая струйка перетекла через бортик, наполни-
ла ямку-след. Но ведь морю нужно покрыть кило-

метры отмелей. Разве такое возможно? Да чего
там!.. Эти несмелые разводы запросто собрать по-
ловой тряпкой. Словно сосед сверху забыл кран
открытым, вот немного и просочилось... Казалось,
вода никогда больше не вернётся, а та водная сти-
хия, что недавно хозяйничала тут, – сон, мираж. И
никогда не ходить колежомским поморам на кар-
басах. Между тем, пока я фантазировал, водица
прибывала и прибывала. Она поднялась мне по
щиколотку, ползла выше. До слуха доносилось пе-
решёптывание воды с песком – так весной, в зной-
ную апрельскую погоду слышно, как тает снег.

Вернулся на берег к избушке. Воткнул в дно трос-
тинку с отметинами, стал ждать. Мой самодельный
водомер показал: вода прибывает со скоростью
сантиметр в две минуты. Прошло три часа, и так же,
как испокон веков, море заполнило всю прибреж-
ную часть, затопило дно, отвоевало у суши спорную
территорию, соединив Колежму с открытым морем.
Камень у берега возвышался на метр – скрыло пол-
ностью. Прилив, как время, неумолим.

И вновь выпорхнули на волю строчки:

*Белое море. Прилив – отлив.
Р-ррокочут морские часы.
Сколько они отмерят мне
дорог по жизни пройти?*

*Морские мили сухопутных длинней,
но они ведут строже счёт.
Море, качаясь вперёд-назад,
раскачки другим не даёт.*

Вот тебе раз! Второй день, как покинул дом, и –
пятое проза-творение.

А море действительно партнёр серьёзный. С
ним шутки шутить не стоит. К морюшку надо с
уважением, на Вы... Попытаться наказать, высечь –
неблагодарное дело [9]. (Хвалилась синица, что
море зажжёт!) Не стоит на него и обижаться по-
напрасну, оговаривать. К примеру, морскую бо-
лезнь у меня вызывает вовсе не море – люди!

В темени вышел на берег.

Ветер стих, небо вызвездилось, заметно похоло-
дало.

На чёрно-бархатном космическом полотнище
проявились тонкие белёсые разводы. Вначале
малозаметные, они делались ярче, расширялись.
Вскоре по небу, из края в край, протянулся светя-
щийся шлейф. Словно золотисто-зеленоватый
дымчатый шарф кокетки-ночи... Северное сия-
ние – жди скорой зимы. В крепко срубленной из-
бе обнаружили щели. Полуночный ветер загля-
дывал ко мне в гости, перелистывал страницы

журнала на подоконнике, тихонько охал от удивления... Я с головой закутался в спальник, укрылся поверх курткой и покойно заснул. В эту тихую, не по-летнему студёную ночь – первую ночь на острове Творчества – мне чудно спалось.

21 августа

Под утро снилось солнышко, нежное, ласковое... снилась доча.

В полусне-полуяви начали всплывать слова, строчка за строчкой. Они послушно выстраивались, поправляя друг дружку, как малыши на утреннике в детсаду:

*Дочушка Катюня –
Стебелёк с особенкой.
Величает муж тебя
Ласково «микробинкой».*

*Добротой своею
Зарази весь мир!
Славный на планете
Люд устроит пир.*

*Солнце загостилось
В волосах твоих.
Мне на радость снилось,
Будто греюсь в них.*

Долго лежал не шевелясь, не желая выпускать тепло словушек.

Наконец вспомнил генералиссимуса Суворова, его спартанское самовоспитание. Себя тужился представить им. Но до зарядки, обливания студёной водой, скачек верхом дело так и не дошло. Вяло поднялся, брезгливо побрызгался. Вероятно, в процессе трансформации – не туда нажал либо мало тужился.

Обошёл остров вторично, вдоль-поперёк, из края в край. Передвигаясь береговой кромкой, спугнул выводок чаек. Ещё не слётки, птенцы, пушистые, крупные, мышастого цвета. С гоном шархнули от меня, поплюхались в воду и, рассекая морскую гладь, скрылись за гранитным уступом... На берегу остались нежные пёрышки, беспомощные, слабые, они не могут вознести птицу ввысь, не позволяют уверенно, свободно парить в небе, но постепенно, Бог даст, окрепнут. Поднял одно, разжал пальцы – ветер пёрышко подхватил и унёс. Поодаль нашёл большое гусиное перо. Вспомнились хищные коршуны, пророчества Они... Немного же осталось от собрата-писателя. А тоже небось грезил о всемирной славе. Перо не выбросил, взял с собой. В комп-

лект к нему подобрал дощечку, отшлифованную морской волной. Выдавил сучок, один край досочки приподнял, установил в избушке на рабочем столе, в отверстие вставил перо. Получился настоящий писательский набор, даже лучше: перо – вечное, чернильница – бездонная. Только строчи!

В полдень совместил завтрак, обед и ужин: набрал по ягодке целую пригоршню брусники с черникой, вдогон – десяток плодов можжевельника. Пора за работу! Пробовал найти «писательское кресло» на скалистых террасах. Ничего приличного подыскать не удалось: где подставка под ноги низковата, где сиденье узкое, где уклон спинки не тот. Одно место вроде выбрал, так ветер в лицо. (Ветер, кстати – очень кстати! – сменился с северного на западный: стало заметно теплее, словно дверь в холодный погреб прикрыли.) В общем, раза четыре присаживался, доставал блокнот, карандаш, делал архиумное лицо – так казалось... (жаль, некому было заценить!) Однако ни единой строчки не накропал.

В эфир непрошено, с неуместным сарказмом, вторгся внутренний голос:

– «А вы, друзья, как ни садитесь...»

– Э, нет!.. Так не пойдёт... Сделай одолжение, заткнись! Сейчас нужна не самокритика, которая сеет неуверенность, слабит... Нужен нездоровый кураж, вера в свою гениальность. Вера слепая, беспочвенная, маниакальная... Не идёт проза? Запрягу в качестве пристяжной Пегаса.

– Ох, мы с тобой насочиняем, ох и наворотим!..

– Опять?!

– Молчу.

– Вот и молчи.

Вода пошла в жар, подпирала.

Я вернулся в вечеряющую избушку, присел на нары. Через оконце на меня глядели бездонные серые глаза ведуньи-ночи.

*Белая ночь,
мир отдалив,
сердце томимое
небу откроет.
Мысли и сны
поровну поделив,
нет, не ответы... –
вопросов подбросит.*

Одухотворённый, прилёт...

Хорошо!

В памяти всплывали родившиеся за эти дни ритмические строки...

Я вслух декламировал их, натыкался на неудо-

бочитаемость, логические нестыковки, слова-булыжники. Они выросли снова и снова, точно камни из-под земли на карельском поле. При свете затухающего дня выкорчёвывал их, вносил бесчисленные правки, слововычитая. С тем и заснул...

22 августа

Утром солнышко совсем невесёлое, в белёсой дымке. Ветер позавчера северный, вчера западный, сегодня южный. Крутит, финтит... Бардак! Так и вспомнишь «Одиссею» Гомера [10]:

*И плот его ветры по бурному морю гоняли.
То вдруг Борею бросал его Нот,
чтобы гнал пред собою,
То его Евр отдавал преследовать дальше Зефиру.*

Третий день в ссылке, в заточении. Утро между тем перетекло в полдень. Не писалось. В дневнике так честно и указал: «Не пишется ничего».

Помолился, и... началось:

*Занозила душу тоска...
Растерял себя, расплескал.
Заплутал среди мирских затей
и от проповедей устал.*

*Люди – сила, но пробил час:
только сам себе можешь помочь.
Отрекись
от соблазна
«Слыть».*

*Пуповину
сгрызи
прочь!*

*Удались в одинокий скит,
где сойдёт
мишуры
линь.
И смиренной молитвой зывай
богоносных
небес
синь.*

По всей душе елеем растворилась сладкая благодать...

Незаметно, в пустых заботах пролетел день.

Две ночи терпел без спасительного огня, горячего кипятка. Баста! Наколот дров, уложил в топ-

ку. Печная дверка висит боком на медных паутинках-проволочках, одна петля отломана. Толком не закрыть. Кое-как... В чайник налил ключевой воды, кинул кусок чаги. Уже будет не пустой кипяток. За окном стало накрапывать. Верно подмечено: западный ветер плаксун [11] – плачет, дождь приносит. Сквозь прозрачную пелену всё вокруг сделалось одноцветным. Ну и пускай себе льёт... А в моей светёлке затеплилась печурка. Дверку открыл настезь, сижу, любуюсь алым пламенем. Постепенно изба наполнилась жилым духом, словно жизнь вдохнули. Нужно только не переборщить, иначе вслед за уютом могут просочиться и мысли благоустроенные, изнеженные. Загудел чайник, запыхтел, радостно забренчал крышкой. Спасибо тебе, хозяйюшка-изба!

Запросилась на бумагу строфа, ещё одна... Они появлялись сами по себе, я старался их ничем не спугнуть, чтоб случайно не загасить зыбкий огонёк.

*Избы поморов, избы поморов.
Сколь вами сложено судеб и былей.
Сколько вы видели радости-горя...
приняли боли.*

*Стылая печь. Закопчённые стены.
Чёрная дверь и в углу образок.
В этом бушующем мире несказок
стали моим вы приютом веры.*

*Белого моря старцы седые.
К вам за советом, за светом иду.
Вы утешаете, вы же и лечите.
Избы поморов – кузница слов.*

*Я в своём сердце принёс уголёк вам...
Печка затеплится – молодость вспомните.
Радостным гулом тогда ободрите.
Только, родные мои,
не молчите!..*

Навернулись слёзы.
Вспомнил об ушедших родителях, будто к ним обращался...

Существует расхожее выражение: «сопутствовало удача, поскольку звёзды сошлись на небе». Не знаю... С моим творчеством наоборот. Должны все чёрные дыры слиться в одну большуханскую... Лишь тогда. Сто раз поминаю Сергея Довлатова: «от хорошей жизни писателем не станешь». Правильно говорил! Когда на кухонном столе идёт парок от горячих пирогов, жена – ласкова, дети – предупредительно-внимательны, страна – вся из

себя заботлива, гости – долгожданны, ты здоров, безрассуден, слегка пьян, нужно быть полным идиотом, чтобы всё это отодвинуть и схватиться за перо. Или, тем паче, упереться сюда, за тридевять земель, на край земли... в одинокую избушку на Белое море, где, насильничая себя, побуждать к словосложению. Когда безоблачно, лично мне не пишется. Организму для творчества требуются особые, «тепличные» условия. То есть перечисленные события должны зеркально поменяться: ты как стёклышко трезв, рассудителен, дети разнужданно-вызывающе дерзят, страна отбилась от рук, жена...

И вот всё сошлось: я в голоде-холоде, позабыт-позаброшен на необитаемом острове. Испытываю на себе лекарство от хандры – солёную воду: пот, слёзы и море.

23 августа

На острове четвёртый день. Ночь промучился, проворочался. То жарко, то жёстко, то беспричинно страшно. Утром солнце выбивалось, выбивалось, да так и не выглянуло, серая мгла затянула мир. Настроение столбиком барометра ползло вниз.

*Послесмерть. Час расплаты!
Длинный список дел, делишек.
И на все есть свой свидетель...
Их порою даже с лишком.*

*А какой вердикт объявят,
ты не можешь знать заранее.
Лучше б в рай, а вдруг как снова...
В ад!*

*На Землю!
В наказание,
в назиданье...*

Пожалуй, вечером больше топить не буду. Тепловой режим угадать сложно: ночью приходится делать много лишних движений, а силы, настроение уж не те. Общая подавленность, уныние. Не хочется ни пить, ни есть. Нужно приводить себя в порядок. Сейчас встану, умоюсь, оденусь, помолюсь и выйду на остров. Там видно будет. Сегодня на завтрак традиционно подавали брусику, шикшу и ягоды можжевельника. Интересно бы знать: обладают они полезными свойствами или нет. Какими-нибудь наверняка... Может, хоть нейтрализуют вред друг от друга. После завтрака ходил по кечкаре. Думаю, по скалам лазить больше не стоит – кружится голова. Видел бакланов: родители с парочкой рослых птенцов.

Чёрные, размашистые, крикливые. Долго кружили надо мной, затем опустились на дальнюю мысовину и сутуло сгрудились. Небось, проводят разбор полётов.

Сотый раз задаю себе один и тот же вопрос: какой смысл сидеть затворником, голодать?

Смысл весомый. Бесспорно!

С первого дня появления на свет я регулярно ем, пью – почти сорок восемь лет подряд. Послезавтра – день рожденья, тогда будет ровно сорок восемь. В прошлом веке родился!.. (Самому не верится.) Состояние сытости, пьяности знакомо не понаслышке. А вот жёсткие ощущения, подобные этим, переживать не приходилось. Очень интересно испытать себя, проверить в новом режиме. Обрести знания о скрытом потенциале, сильных-слабых сторонах, о своей сути – ну о-о-очень! полезно. И сверх того – высокая награда – литературные страницы в новом для себя жанре «прозатворение».

*Слева – обрыв, справа – обрыв!
Тропа над бездной вела,
Где облака, вершины укрыв,
Таят гнездовье орла.*

*Мало туда кто решится, пойдёт,
Порвав с привычным житьём.
И голос вкрадчивый песнь поёт,
Назвавшийся Разумом:*

*– Поверь, не стоит дальше идти,
Зачем быть выше болот?
Нормальным людям это претит,
А ты тянешь пустой лот.*

*Он веские доводы приводил,
Просил: «Не смей хоть!..»
Всю душу тревогами избережил,
Треножа твою иноходь.*

*Против сладких речей восстань
И, рванув, одолей боль.
Человеком достойным стань –
Расти над отметкой «ноль»!*

Чудны дела твои, Господи! Я заклинал и мог рассчитывать на скромные прозаические наброски, а тут рифма...

– И всё?! А дальше? – встрепенулся вечно недовольный внутренний голос.

– Дальше?.. Судьбу не нужно торопить. Нужно идти ей навстречу.

И опять...

*Хлеба укрой, крупная соль,
Стылой воды глоток.
Познать земную юдоль,
Открыть свой земной исток.*

*За шагом – шаг, за верстою – верста,
Где земли непочата суть.
Следуя указанью перста,
За горизонт себя заглянуть.*

*Идти, сбивши ноги в кровь,
До спазмы сухой во рту.
Где перевал рассечёт гору
И крутизна – по нутру.*

*За шагом – шаг, за верстою – верста,
Неверие, страхи губя,
Идти, теряя нелюбовь,
Штурмуя вершину –
Себя!*

Кажется, по духу, по боевому настрою получился второй текст энергетической песни.

Наверняка найдутся те, для кого сочинительство – никчемная блажь. А что, собственно, лучше?! Пополнить армию россиян, взявших потребительский кредит на покупку излишнего, и батрачить остаток жизни на банкиров? Нет уж, спасибо... Либо всю сознательную жизнь продавать сникеры с мобильниками?.. В итоге (каким-то чудом!) заработать, открыть собственный ларёк и не знать, как его защитить от государства и населения?! Бр-ррр! Или самое-самое заманчивое – уехать на границу Швейцарии и Франции. Там, недалеко от Женевы, несколько тысяч человек в большом адронном коллайдере ловят даже не муху, не комара... Искомый гнус много меньше. Хорошо, если все они ушлые жулики из сказки Андерсена «Новое платье короля». А если нет? Если эти групповые артельные утехи – самое светлое пятно их жизни?

Какая яркая... незавидная доля.

В конце концов, другие поступай как заблагорассудится. Главное, для меня пресвятая литература – самое дорогое, самое важное дело. Самое-самое!

Самодетельная словесность помогает понять себя... Создаёт и поддерживает иллюзию смысла жизни. Разве мало? А ещё моя литература – это подслушанные стоны и чаянья душ людских, кровь и слезинки радости.

Почти стемнело. Через оконце едва дотягивается, угасая, свет вечерней зари.

Грустно.

Прав был Аристотель: «Человек – существо обще-

ственное». Устроить организму встряску – полезно, даже забавно. Но жить добровольно одному... годами. К этому не готов. Впереди ещё две ночи. Целых две. Без еды. Без людей. Если, конечно, про меня не забыли, как про тех метеорологов...

Днём ещё сносно. Про еду удаётся не вспоминать. (Странно!) А вот засыпать на голодный желудок ой как несладко... Не пишется больше ничего. Завтра будет то же самое. Опять поднимает голову хандра, ей поддаваться нельзя никак. Лёг, поворочался с боку на бок и рассердился на себя всерьёз: «Соберись с духом, надо жить, надо писать, надо созидать...» Опять вернулся к черновикам-листочкам.

И... потихоньку, помаленьку пошло:

*У самого Белого моря
в ветхой рыбацкой избе,
закутавшись в спальник, как куколка,
я письма пишу тебе.*

*Любить не умею ярко.
Почти не дарю цветы...
И чаще других подарков
грусть получаешь ты.*

*Внутри всё клокочет, мается.
Виню себя и кляню.
Легко ли рождаться заново
вот так
одному
на юру?..*

*Но должен из кокона выйти
не тот же удав или больше...
Последней бабочкой лета
на грудь
опущусь
брошью.*

24 августа

Проснулся в 7.29.

Ночка кошмарная. Одно радует: она позади. Первым делом поставил в рукописном календаре жирный крест на дате «23.08». Впереди ещё одна ночь, и – домой.

Сегодняшний день решил посвятить генеральной уборке. Забрался под нары, выгреб весь мусор, тряпки, доски, какие-то непарные сапоги, около избушки валялись ещё два. Обрезал голенища – получились галоши. И не беда, что все четыре на левую ногу (мне так кажется...). Топор, чайник, спальник положил на видное место, чтобы завтра, не дай бог, не забыть в избушке. Вещи

чужие выручили меня. Нужно вернуть. Особенно топор! Керчак сказал, ежели топор не вернём, бабушка убьёт сначала его, потом меня. (А что из списка действительно не пригодилось, так это туалетная бумага.) Пол подмёл мокрым берёзовым веником, а затем окатил морской водой, как палубу корабля: вёдер двадцать. Вода смывала первородную пыль, стекала в щели. С любовью намыл избушку, ставшую родной. Словно престарелого отца в баню сводил...

Сорока прилетела к окну. Прострекотала последние новости. Жаль, информацию в этом формате распознавать не умею. Между тем дело – к обеду. Вышел за подножным кормом. Ба! На взморье, в полукилометре от берега – судёнышко. В нём человек... (Ай да сорока!) Вот бы здорово прямо сегодня попасть на Большую землю... Поорал, помахал шапкой. Мужик заметил меня, завёл мотор и... уехал.

Да-с, раньше сбежать не получится – «линейка така!»

И тут (ну всё не как у людей!), вместо того чтобы в адрес поморов разверзнуться бранью, родились слова благодарного восхищения:

*Колежма – Белого моря рай.
Богатства – на каждом шагу.
Не газ или там молибденовый концентрат...
Важней! Поручиться могу.*

*Люди – вот что ценней всего!
На слово щедрь красное.
К работе охочи, пожалуй, любой.
Это ясней ясного.*

*Но пуще славится их поморство.
Вот где «охи-то» с «ахами»!
Сёмгу, камбалу, навагу с корюшкой
возами
сдают
маховыми.*

*Ладонь, как пятка, легла на канат:
– А ну-ка, сходить, что ль, в Баренцево?
Им только б пресной воды запас...
Карбас
кивает
радостно.*

Есть не хочется совсем. Голову кружит, слабость, а сказать, что еда стоит перед глазами, – нельзя. Ягоды и те ем больше по расчёту. На скале, в западной части, нашёл современный петроглиф: инициалы «Г. П.» и год – 1972. Появилась идея оставить по-

томкам весточку о себе, строго высечь в граните: «Здесь в голоде, холоде творил Александр Костюнин». В крайнем случае, надпись могла бы послужить эпитафией, а остров – скромным памятником.

Остановился. Совестно как-то... И зубило нигде не нашёл.

Стемнело. Лёг на нары... Встал. Опять прилёт. Не спится.

Маялся до трёх ночи и тут внезапно вспомнил про «следы» от печенья. Пустую упаковку не выбросил в первый день, не стал выбрасывать почему-то и сегодня, когда прибирался. Фонариком посветил, отыскал на полке. Аккуратно, чтоб ни крошки не просыпать, согнул край желобком, высыпал в рот. Ой! Что это?.. Я не столько почувствовал – увидел: сладковатая пыль прошла гортань, пищевод, достигла желудка и мгновенно растворилась. Сразу по всему телу до кончика гусиного пера растекалась такая благодать, такое умиление... Боюсь, вам не понять.

Пока добирался в темноте до спальника, погрузился в сон.

25 августа

Сегодня мой день рождения.

Вспомнил отца, маму... Создателя (нельзя быть неблагодарным!). К слову сказать, то, что я произношу из раза в раз, – не совсем молитва... на всё про всё текст один: «Слава тебе, Господи!» Богославие. Донимать Творца бесчисленными просьбами, канючить значило бы не верить в его Всемерность... Мои сокровенные желания Он и так знает. Я верю Ему. Верю больше, чем себе. С Богом хоть за море, без Бога – ни до порога! Утренние и вечерние строки в походном блокноте и есть моя служба Ему, мои молитвы.

Моё крестное распятие!..

Дома, месяц назад, раздумывал: чем бы себя одарить? Хотелось необычного... И вот свершилось! За эти пять суток я стал чуточку другим, сделался богаче. Я получил на день рожденья себя иного.

Да, самый желанный подарок человек делает себе сам.

Хотя нет!.. Не всегда.

Ритмические строки – на появление их не рассчитывал. Какой дар сравнится с этим? Словно щедрая морская волна вынесла и, оставив предо мной россыпь северных жемчужин, отхлынула. Надеюсь, отхлынула не навечно... И ещё кряду можно назвать появление внука:

P.S.

Прошёл месяц...

Стоит выпасть свободной минутке, я, как скупой рыцарь, пересчитываю листочки с отпечатанными набело непривычно-ритмическими строками. Поглаживаю их, воркую... Они – настоящее чудо! Хотя, признаться по совести, так думаю я один. (Уповаю, что не агевзия причиной тому [12].) Ряд творений, не откладывая, решил посвятить знакомым и близким, а то, поди знай, соизволит Муза посетить ещё или нет. Дело тёмное! «Слева – обрыв...» – сыну Леониду с припиской: «Сынушка, желаю тебе год от года расти над собой». «Колежма – Белого моря рай» – истым поморам, братьям Лёгким: Анатолию, Василию и Сергею. «У самого Белого моря» – Галине, жене (так всё-таки будет пристойней).

25 августа 2012 года

Примечания:

[1] Любой сильно нехороший человек ассоциировался у советских людей с немецко-фашистскими захватчиками, или попросту «немцами».

[2] Анкл (*uncle* англ.) – дядя.

[3] Курень (*помор.*) – бедная дымная изба, черная изба, ветхий, в одну-две комнаты домик без хозяйственных пристроек к нему.

[4] Материк, матерая земля.

[5] Линейка (*помор.*) – доля в жизни, участь.

[6] Доспеть (*помор.*) – о человеке: окрепнуть, достигнуть совершеннолетнего возраста, возмужать.

[7] Самое теплое время года на Беломорье. В Сорокском и Мемском районах лето определяется по старому стилю периодом времени от Иванова дня (24 июня) и по Ильин день (20 июля). Поморы говорят: первый летний праздник Иван день и последний Ильин день до обеда.

[8] Хэллоин (англ. Halloween, All Hallows Eve или All Saints Eve) – национальный праздник «нечистой силы» в США.

[9] «Высечь море». В начале похода на Грецию (480 г. до н.э.) буря снесла построенные персами мосты через Геллеспонт (Дарданеллы). «Узнав об этом, Ксеркс распалился страшным гневом и повелел бичевать Геллеспонт, наказав 300 ударов бича, и затем погрузить в открытое море пару оков» (Геродот, VII, 35). >Геродот, с. 325.

[10] Гомер «Одиссея» (песнь V, ст. 330), Евр – (Эвр) бог восточного ветра, брат ветров Борей (северный ветер), Зефира (западный) и Нота (южный).

[11] Олонецкая поговорка.

[12] Агевзия (*a* + греч. *geusis* – вкус). Нарушение восприятия вкусовых ощущений. Может наблюдаться при органических заболеваниях нервной системы с поражением вкусового анализатора, особенно центрального его отдела, либо при истерии. В некоторых случаях сопровождается бредовые переживания, главным образом бред отравления. При депрессиях входит в структуру синдрома отчуждения витальных чувств.

ВЕШКИ

Говорят, что где-то есть острова,
Где четыре не всегда дважды два,
Считай хоть до слепу – одна испарина,
Лишь то, что по сердцу, лишь то и правильно.

Александр Галич

Назавтра решили сvezти на Мягостров и установить там приметный крест.

– Вода в восемь, – сообщил сват Сергей.

Сие в переводе с поморского означало, что максимальный уровень прилива – «больша вода» – в восемь утра. К этому времени «надоть» собраться и выйти. Карбас, конечно, не космический корабль, минутная готовность ни к чему, и, разумеется, ничего страшного не произойдёт, ежели чутко задержимся. Но с каждым часом уровень в устье Колежмы станет падать, падать... Морская вода, заглянувшая в гости к пресной, убывая восвояси, обнажит сперва кромку заболоченного берега, затем постепенно валуны на дне самой речки. А стоит с выходом затянуть, так уж не выйти совсем – обсохнешь. «Вода в восемь» – и добавить к этому нечего.

Однако утром, пока крест в разобранном виде грузили на тракторную тележку (основа креста – могучий шестиметровый брус-стойка), пока везли на пристань, пока ждали всех, время шло. Давно девятый час, девять, десятый, а мы топчемся у браницы [1], всё ещё грузимся. В итоге собрались одиннадцать мужиков: братья Лёгкие – Анатолий, Сергей и Вася, Кочин Алексей, Никонов Иван... Я – двенадцатый. Приготовили всё, что нужно для установки, сборки: деревянные ригеля, заступ, лопату... На лицевой стороне креста – канонические надписи на старославянском, свидетельство Страданий Христовых. Под нижней косою перекладной восьмиконечного крестараспятия – символическое изображение головы Адама и надписи: «М.Л.Р.Б.» – «место лобное распяты бысть», «Г.Г.» – «гора Голгофа», буквы «К» и «Т» означают «копие воина и трость с губкой». Над средней перекладной – «IC», «XC», под ней – «НИКА», стало быть «Победитель»; около – «СНЪ БЖИЙ» («Сын Божий»), «I.N.C.I» – «Иисус Назорей Царь Иудейский»; выше – «ЦРЪ СЛВЫ» («Царь Славы»), «Г.А.» – «глава Адамова». Извек поморы так и ладили кресты.

Река меж тем обсыхала на глазах: вот наполовину обнажился стояночный якорь соседнего баркаса, показалось серое илистое дно заросшего осокой берега. Вода пару часов назад плескалась вровень с пирсом, тут – ведром не зачерп-

нуть. Наконец отчалили. Под деликатный клёкот мощного подвесного мотора карбас послушно отработал задним ходом, плавно развернулся и стал тихохонько пробираться на выход из устья. Временами киль, борта со скрежетом задевали подводные валуны, тогда карбас кряхтел, недовольно бурчал, но везде прошёл сам, шестом подмогать не пришлось.

Я по-родственному сидел на корме рядом с Сергеем, любовался, как мастерски сват управляет судном.

– Ловко у тебя получается!

– По вешкам иду, – чередой высоких кольев уходила в открытое море.

– По вешкам?..

– Самая руслина реки, стремнина ими обозначена, иначе разве пройдёшь? В море – по вешкам, в тайге – по зарубкам, затесям на стволах. Зимой на открытых местах как тропку угадаешь, когда позёмкой целые ложбины за ночь перемертают. Помечаем прутиками.

Я молча размышлял над сказанным...

Сквозь хмурую воду просматривалось песчаное дно: поначалу ярко-оранжевое, затем бурое, цвета торфа, потом вовсе морская воронёная толща взяла верх...

– Сейчас новый парус поднимем. Ты такого ещё не видал, – сват сиял, как именинник.

Рей, обмотанный парусиной, – под рукой, вдоль борта. Федя, привыкший управляться с такелажом, рангоутом, достал свёрнутое рулоном полотнище, прицепил к мачте, потянул за капроновый канат... Под своим весом парус раскрылся, туго наполнился попутным горным ветром... Над морем вспылал лик Николая Чудотворца.

– !!!

– Что я говорил!

– Красота...

– Дувань крутая, белю нет нужды вызывать. [2]

Сергей сбавил обороты и взял курс на Боршовец. Он в радостном возбуждении что-то сказывал, я лишь рассеянно кивал... «Вешки» – интересное совпадение. В прошлый раз в одиночестве на маленьком острове, затерянном в просторах Белого моря, много думал о них...

* * *

Желая вновь испытать столь же острые, но теперь иные, новые чувства, откровения, я решил повторить затворничество [3]. Не хочется жить в длину, писать в длину. Моя мечта: научиться вслушиваться в себя, сердцем вслушиваться... записывать. И может, приблизиться к Истине. Непростая задача... в

сутолке она не решается. Скопом, большинством голосов, её не одолеть. На какое-то время необходимо полное одиночество и воздержание, а потому всё в точности, как год назад: те же пять суток, один-одинёшенек, без куска хлеба, с запасом питьевой воды и чистым блокнотом.

Организм, лишённый холи, отреагировал тогда неожиданно. Меня, страдающего идиосинкразией к рифме, вдруг... прорвало на ритмические строки. Высшей благодатью опустились они с небес:

*В храме лесном царит полумрак,
Лишь кадит головня да чернеет овраг.
Тенью по небу скользила сова,
Облекая мистически в знаки-слова
Волю Вселенной, силу небесную...
Всё принимая – я не бесную.
Сердцем читая судьбы откровение,
Крестным себя осеняя знаменем,
Я причастился малиною благостно.
Стихонезнаючто обняло радостно...
Ель, окропив водой пресвятою,
Благословила вестью златою.*

...

*Белая ночь, мир отдалив,
Тайну незримую сердцу откроеет.
Мысли и сны поровну поделив,
Душу томимую светом омоет.*

Разве такое забыть?

В этот раз Федя, наблюдая за моими приготовлениями, не утерпел:

– Ты бы вон хоть Тунгуса взял. Будет с кем словом перемолвиться.

– А как объяснить псу, что «кушать» отменяется?

– ?.. – Федя задумчиво чесал заскорузлыми пальцами лоб, а кобель обстоятельно помочился на колесо моего Tucson-а и припустил по деревенской улице прочь.

Храбрился я, но ведь для меня, «любителя повеселиться и особенно пожрать», подобный аттракцион – испытание серьёзное (не «комната смеха»). Может случиться ВСЁ. Читал где-то: в Древнем Китае с юности задумывались, как бы хотели встретить смерть. Крутые экстремалы хмыкнули: люди голодают по десять-двадцать дней, ночей – чистое здоровье! Классический христианский пост вообще сорок суток. Но ведь я – сублильный рафинированный горожанин, к тому же возраст... Между тем какая-то сила neodолимая влекла в таинственную зону.

И в этот раз меня с нехитрыми пожитками отвезли на безлюдную скалу, оставили. Подхожу к избушке: опп-па! Во «входящих» – письмо с прикрепленным файлом: прямо на пороге веранды свежая медвежья куча черникой! и – лёгкий сизый парок... Ну, разумеется, больше нигде, не в тайге ж гадить. Валяйте! (А я-то размечтался: «один-одинёшенек».) Дверь в избу – нараспашку, будто ждали меня. Низко склонив голову, словно пред тесными вратами в Храм Гроба Господня, захожу в лесную келью:

– Здравствуй, хозяйшка-изба.

Осматриваюсь... Как оставил год назад, так всё и есть: морские ракушки на подоконнике, кухонная тряпка из дели на полке, упорки [4], охалка дров у печки... только бутылка с сухим прутиком опрокинута. Кроме мишки за год не было ни души. Опасливо оглядываясь, прислушиваясь, шагнул в лесок, срезал веточку рябины с алой гроздью, поставил в бутылку, плеснул на донышко воды. Теперь полный порядок! Вечером, во время отлива, обходя по кечкаре остров, наткнулся на медвежьи смайлики: огромные, чётко отпечатанные на глине косялапые следы неспешно уходили в сторону материка – два медведя в одной берлоге не живут.

А в Колежме завтра торжество: рыболовецкий колхоз «Заря Севера» отмечает День рыбака, намечены широкие, сытные, хмельные гулянья. «Праздник-то наступат – гора горой», а я... людей сторонюсь. Деревенские мужики исподлобья позыривали на меня. Что сказать им в своё оправдание? Сослаться на диету?

*Моя комплекция – роман,
Зачем мне эпопеи вес?
Я отвергаю суп-культуру!..
Стремиться буду к SMS.*

Бессмысленно. Никакие доводы не в силах обелить затворничество в глазах поморов, людей по природе, по духу своему исконно общинных: «Из одной капли море не получится!» Меня на этот раз даже не сильно и отговаривали... Оказывається, загодя меж собой всё перетёрли. Федя, узнав о проекте (проект – это такой проект через «ж»), поинтересовался у мово свата:

– Снова поодинки, на цельную неделю?

– Ну.

– Так он чё, левосторонок? [5]

– К нашему берегу путного полена не прибьёт...

Я хорошо понимаю их. Все мы по большому счёту «колхозники». На единоличника у нас тараштятся, как на летящего пингвина, как на нэпмана не-

дорезанного. И радости, и горести наши – колхозные. Потому и в войне непобедимы, потому и мечтаем, чтоб у всех примерно одинаково, а тех, кто высовывается, одёргиваем. И во главе – бравый председатель колхоза (мне он тоже нравится!). Корнями наши колхозно-общинные устои уходят в Древнюю Русь (революция лишь обострила их, довела до гротеска). С раннего детства, сколь помню, мы не принадлежали сами себе. Всё решалось поклассно, поотрядно. В крайнем случае – «звёздочкой» (была такая детская партиячка). В отряде, в звёздочке – свои командиры. Как иначе? «Ты тянешь нашу звёздочку назад!» – распекали отстающего за недостойную учёбу, лёгкое поведение. На приём пищи в младших классах ходили исключительно строем.

Учительница задорно командует:

– Ребята, разбились! Разбились по парам, взялись за руки!

Не у всех первоклашек получалось выполнять команды синхронно. Я хотел мчаться в столовку первым, кто-то, открыв рот, мчал...

– Костюнин, тебе говорю: взя-аались за руки. Вы сами себя задерживаете.

Мало-помалу руки сплетаются, и мы смиренным гуртом топчем в столовую.

Строем разучивали речёвки. Дрессировали нас после уроков в рекреации. В конце четверти – «смотри строя и песни». Глаз не оторвать! Командир отряда в красной пилотке с замызганным султанчиком звонко:

– Раз! Два!

Мы хором:

– Три! Четыре! Мы шагаем по четыре!

–левой!!! – приказывает командир.

– Правой! – возражает отряд.

–левой!!!

– Правой!

– Сильные! Смелые!

– Ловкие! Умелые!

В оценке себя любимых разногласий нет, но командиру неймётся:

– Кто шагает дружно в ряд?

– Пионерский наш отряд.

Загляденье! Классная, если рапортуем громко, чётко, стоит в сторонке – млеет.

Для россиян в строевой подготовке скрыто некое обаяние. Не зря скучал по армии Дубинушка в фильме «Белорусский вокзал»: «Стоишь себе в строю, думаешь о чём-нибудь. Командуют «налево!» – повернулся налево, «шагом марш!» – пошёл. Куда? Зачем? Там знают. Идёшь, главное – в ногу, думаешь о своём». Я бы до сих пор маршировал под речёвку, а то, не ровён час, сам ко-

мандовал, да вот незадача... командиры командиров посрывали с себя звёзды, погоны, покидали знамёна, разбежались... Партия, наш рулевой, завела страну в тупик! И пришлось смекать в одиночку: куда дальше? Стресс для многих неодолимый! Однако обижаться нам грех: жись хоть и лаконичная, но убористая (день – за три, как на войне). Век гения – стремительный росчерк пера.

Да, трудно искать выход. Вот бы где пригодились мудрые вешки!..

Мягостров.

Во-оон он! После Отечественной войны там ещё долго правила Соловецкая командировка: заключённые валили и сплавляли по морю лес. Деревенские называли их «услонцы», уменьшительно-ласкательно от аббревиатуры СЛОН: Соловецкий лагерь особого назначения. Ныне всё поросло мхом, сровнялось с землёй, лишь кое-где видны стены барачков, рыжая колючая проволока, да гниёт местами уложенный в штабеля деловой лес. Едем дальше... В те времена любое движение в стране (общественно-политическое – в первую очередь) строго регулировалось дорожными знаками – запрещающими, предписывающими: «въезд запрещён», «движение запрещено», «обязательное движение прямо-налево-направо», «перегон скота»... Вешки-указатели приводят на берег легендарного Беломорско-Балтийского канала имени товарища Иосифа Сталина. Мир не знал подобных способов возведения гидротехнических сооружений: до ста тысяч заключённых ежедневно выгоняли на строительство, многих тут же расстреливали. Земля по берегам до сих пор шевелится, стон стоит, а ведь сколько лет прошло! Исполняя предписание указующих знаков, расстреливали священников, переплавляли колокола, иконы строгали на лучину. В деревне Колежма кирпичную церковь разрушили, у деревянной снесли купол, организовали клуб. Там и сейчас по выходным дискотека (к алтарю, с внешней стороны, пристроен сортир). Едем дальше, не отклоняясь от генеральной линии партии... Деревня Юково на берегу Белого моря. Брошена.

Сколько таких Юковых по России?..

*Прилив морской отхлынет,
Корёжа глыбы,
Но, поразмыслив,
Прильнёт обратно,*

Забыв о распре.

*Деревни остов брошен
На камни века.
Склонив главу, вернём
Жизнь этим храмам!*

Да будет... поздно.

В последние годы всё громче хныканье по Советскому Союзу. Россию молодую лягает даже ленивый... Нечестно это! Видно, настало время восстановить в памяти траекторию страны, посетить знаковые места. Это настоящие жемчужины... только чёрные. Турне: «Ожерелье чёрных жемчужин СССР»!!! Маршруты те нужно держать взавети [6]. И впредь пускай вешки указывают дорогу в обход бесовских чёрных дыр. (Хотя, похоже, через противостояние, отрицание – и есть самый короткий путь... к Богу.)

А Запад, пока мы плутали, небось ушёл далеко вперёд...

Буквально перед отъездом наткнулся на информацию в газете «Труд», 12.08.2013: «Московским геям отказали в проведении парада». Да уж... Просвещённая Европа и Большой Белый Вождь прививают нам све-еетлые идеалы. «Ну что за страна? Даже ж...пой собственной распорядиться нельзя», – возмуцалась Фаина Раневская (во времена СССР сурово наказывали за педикюр). Сейчас бы Фаина Георгиевна обалдела... от назойливости Homo anus!

По-человечески их понять можно: каждый пытается своих лобковых насекомых объявить священными коровами. Но где предел толерантности? [7] И куда податься мне? С флажком на Красной площади ликующим возгласом «уау!» встречать сводную колонну этих зоофилов-некрофилов или записываться в штурмовые отряды и громить?.. (Признаться откровенно, ни то, ни другое не по душе.) А между тем подобные нравы – символ эпохи. Сразу приходит на ум Римская империя незадолго до краха, ещё раньше Содом с Гоморрой... Тогда, за миг до уничтожения Господом падших городов Ангел дал Лоту совет: «Спасай душу свою; не оглядывайся назад и нигде не останавливайся в окрестности сей; ...чтобы тебе не погибнуть» [8].

Я же...

*Уповаю на Чудо-радар,
При рожденье встроенный Богом,
Сирена взвост: «Антипидор-пидор!» –
Почувяв грязь за порогом.*

Даже не грязь это, топь. Мимо таких гиблых мест по вешкам нужно ступать, да ещё со слугой в руках.

За окном беснуется побережник – студёный северо-западный ветер. Слух тревожат резкие шквалистые порывы, рокот, завывание, шелест багулы, беспорядочный плеск волн, оконное стекло боязливо дребезжит, поскрипывает. Из избы выдувает жилой дух... Сделалось как-то неуютно, зябко, первый раз за время приезда затопил плиту. Перелистываю страничку блокнота. Вот она лежит... нетронутая, чистая... ждёт меня.

А людские выверты – своего рода бунт на планете. Бунт человека против собственной природы, против раз и навсегда установленного миропорядка.

Бунт против... Создателя.

*Рассупонилась Земля, расхристалась,
Меридианов сбросила пути.
А ведь раньше бузить не решалась,
Мирилась, колючкой окутана.*

*Соблазнила тут лукавая доля,
И стала ей тесной авоська.
У людей есть понятие «воля»...
«Раз в космосе смута – авось как...»*

*«Пуп вселенной я – Бога ухмылка!
Прикажу я Солнцу, и тут же
Оно будет при мне на посылках!...
Вдруг стянули... удавку... туже.*

*И не дали «кочану» речь закончить,
Непогашенный бросив окурочек
Из далёкого созвездия Гончих –
Преподав вольнодумцам урок.*

*Попритихла тут Земля, оробела,
Запряглась в ярмо постылое, корчась,
И продолжила, смирясь, бег по кругу,
Всех по-страшному кляня молча...*

Тревожно на душе.
Усиливается ощущение близкой непоправимой катастрофы.
И выхода не видать...

Это случилось в Антарктиде (какхватило духу у операторов всё это фиксировать на камеру – ума не приложу!..): океанским течением к традиционному месту обитания пингвинов прибило громадный айсберг высотой до неба. Путь к морю, к пище был отрезан. Над крохотными, едва появившимися на свет птенцами, над жизнью всей колонии нависла смертельная угроза. Медлить нельзя. И тогда один из пингвинов отправился в сторону восходящего солнца искать дорожку к морю. Когда через

несколько дней он не вернулся, на поиски спасительного пути пошёл второй – туда, где солнце заходит. Нельзя сидеть, безнадежно опустив крылья, нужно искать выход. Искать и непременно найти. А тот, кто отважней, должен идти первым. Не получится у него, пусть идёт на поиски второй, третий...

И проложит для всех верный путь.

Вот только какой путь считать «верным»?
Где мерило Истины?

Благодаря «Главной палате мер и весов» мы знаем, сколько весит килограмм, сколько вершков в метре, цельсия в фаренгейтах. Всё измеримо. Из новшеств – одно: в качестве денежного эквивалента включили русскую пол-литру. Больше никаких нововведений. На всё – свой безмен... Лишь на Истину мерки нет.

В далёком 1982 году я, как и другие советские студенты, изучал диамат. Курс читал сухопарый высокий доцент с бородой шкипера, Павел Дмитриевич. У него на экзамене первым вопросом мне и достался «Критерий истины в научном мировоззрении». Общепринятых значилось два: научный эксперимент и практика. Меж тем указанные понятия не позволяют заблуждения отличить от Истины. Практика – итог целенаправленной деятельности отдельного человека или целого народа. А народы на планете – разные, векторы их деятельности зачастую взаимоисключающие. Посему в такой критерии истины, как «практика», велика доля субъективности. Проходят десятилетия, эмоции остывают, информация отставляется и – нате вам: в долгосрочной перспективе былые завоевания нашей страны уж не кажутся столь очевидными:

*олег успел на электричку
и там ему сломали нос
олег лежит не понимает
так он везучий или нет [9].*

Я предложил дополнить список критериев «временем». Время висит над всеми народами, над Вселенной, словно Верховный Судья. Время – главный критерий Истины. Надо отдать должное педагогическому такту Пал Дмитрича: он вывел в зачётке «удовл.» и, не переходя ко второму вопросу билета, отпустил с миром.

Истёк один день моего добровольного заточения, второй, третий...

Поначалу-то я намеревался изложить все суждения о внутренней политике государства, подробно остановиться на качестве дорог, медицинском

обслуживании, замахнуться на политику внешнюю... вставить и туда свои пять копеек. Но по мере того как родниковая вода вымывала из организма желчь, мысли становились тоньше, прозрачнее, бестелеснее, пропадало желание судить, осуждать. Мне уже не было никакого дела до пороков чужих... Со своими бы разделаться. То, что там, на Большой земле, казалось важным, здесь утрачивало всякий смысл. Такие метаморфозы в себе радовали. Негоже, будто дворняга беспородная, с оголтелым лаем провозжать каждую проезжую колыхагу.

А мужики сейчас небось наварили ухи из свежей камбалы. По-карельски – в глубокой сковороде: туда пару картофелин, десяток горошин круглого чёрного перца, лавровый лист, когда почти готово, – репчатого лука, накрошенного мелко. На столе дожидается ржаной хлеб со сливочным маслом, заиндевшая бутылочка водки... (Ведь мне, как писателю, спиртное строго показано.)

Может, зря я здесь... один?

Нет, не зря. Метные вешки тоже устанавливают не гурьбой, не пучком втыкают – по одной.

И я знаю точно, ЗАЧЕМ ЗДЕСЬ:

*Я хочу сквозь ушко одиночества,
Ужавшись до слова, до мысли,
Несмотря на неверья пророчества,
Перейти за границу смысла.*

*За черту повседневных суждений
И ширму знаний объятных,
Где живут не фантомы видений...
И маму с батей – в объятья!*

За метафизическим горизонтом скрылись мои родители, друзья... Скоро вслед идти мне, таков удел каждого. Но коли роковые обстоятельства не изменить, может, попробовать приблизиться... насколько возможно, к границе небытия... Там... поискать Истину.

И вдруг на пятые сутки я увидел... Нет, неверно... Скорее почувствовал ту невидимую грань, что крепче ворот кованых отделяет наш видимый мир от мира теней... куда уходим мы невозвратно. По мере таянья тела улечучиваются земные желания, кушать (чудное дело!) не хочется, жажды нет. Мозг работает спокойно-спокойно, даже слегка заторможенно, словно в анабиозе. Не хочется говорить, двигаться... Заставляю себя сделать несколько глотков воды. Лежу, укрывшись тёплым спальником, рассеянно смотрю то в потолок, то в окошко. Свеча горит ровно, оплывая капля за каплей... Пуповина, связывающая меня с прежним, привыч-

ным с детства миром, пересыхает... Обостряется внутренний слух. Предвиденье, предслышанье... Я постепенно превращаюсь в мысль.

Мной овладевает полусон...

*Ужас ночи подступает тихо,
Тьма сгущается, выдавливая свет.
За стеклом оконным бродит лихо,
Лихо бесовское терпких лет.*

*Что за птица?!
Что за баловень изменчивой судьбы?..
Мне не спится.
Ночью я пряду по ниточке мольбы.
Колесницы...
Слышен издали тревожный звон мечей.
Ворон – ниц!
Знак крадущейся беды да дрожь свечей.*

...

*В эпицентре черноты Вселенной –
Хлад и пустота, ни зги окрест.
Жизнь моя – мерцание нетленной
Слов-лампадки да нательный крест.*

Из-под дров выскочила мышка. Замерла. Глазки испуганно блеснули, носиком повела.

– Здравствуй, маленькая. Не обижу. А вот угостить нечем... Извини.

Разбитое мутное зеркало на стене...

Поначалу не возникало желаний в него смотреться, днесь захотелось.

Что произошло дальше, сказать не могу. Пока не могу...

Одно скажу: Радость Великая.

* * *

Осьмиконечный крест установили на Мягострове в расщелине, на самой маковке утёса. Крест православный – духовный остов русского человека, поморский к тому ещё – навигационный ориентир. Массивный величавый символ православия мореходам заметен издали: поднятый конец наклонной перекладины указывает строго на север; основание обложили высокой грудой камней, символизирующей Голгофу; криптограммы, надписи не краской наносили, вырезали в толще бруса. Мягостров выбрали не случайно: в этой точке пересечения широты и долготы испокон веков возвышался приметный крест. Старый крест доньше, из последних сил, стоит назло морянке и лихим временам. В годы советс-

кой власти подобные святыни специально не уничтожали, но, разумеется, и не восстанавливали.

На следующий день мне возвращаться домой, а вечером мы с Сергеем разговелись. На острове рядом с деревней у него заимка. Никто не мешал, не дёргал... За год Сергей для меня из близкого приятеля превратился в свата. Ого-го! Совсем иной статус: лей-перелей. Вдоль дома мостки, устроились прямо на них. Когда с материка дохнуло холодком, передвинулись на подветренную сторону, воротники подняли, спиной – к нагретой стене дома, лицом – к заходящему солнцу, к морю. И так стало душевно, что пошли стихи:

*Мы сидели вдвоём на крылечке,
Вспоминали прошедшие дни.
Похмельные, в седом колечке,
Чуть оторванные... от земли.*

*Бело морюшко разомлело,
Ах, как ластится синь в глаза!
Только осень жизни узрела
Раем писанные образа.*

*Я бы песню сложил об этом:
Сват и я – вот такой дуэт.
Пусть запомнят прилив и мели!
Жаль до горести – не поэт...*

А помимо приятности, я был несказанно благодарен свату за наглядный пример с вешками. Ведь и поморский крест, и победный лик Николая Чудотворца на парусе самые что ни на есть настоящие вешки... Точнее – вежи! Судьбоносные вежи в переломной, многострадальной истории нашей православной Руси. Предписывающие знаки не оставляют человеку выбора: «направо!», «прямо!», «налево!» – движение обязательное. Шаг в сторону – побег! расстрел на месте! Как говорится, хошь не хошь... А вешки – не глухой прогон, огороженный колючей проволокой. Вешки – выбор, а не узда, не путы, не кандалы. Вешки обозначают торную стёжку, но не волокут тебя за ухо.

Лично мне так больше по душе. Похоже, у нас коновалось именно такое время. И это здорово!

P.S.

Возвращался домой, и тут на мобильник радостным жаворонком звонок сына:

– Твой внук научился показывать пальчиком, что ему годик!

– Он хоть не средний оттопырил?! – по-стариковски въедливо уточнил я.

– Пап... Какая жизнь, такой и палец.

– Ну, ничего...

А жизнь, дай бог, наладится. Когда-нибудь с гордостью задерём большой палец и мы. И это здорово.

г. Москва, 7 октября 2013 года

Примечания:

[1] Браница (*помор.*) – расчищенное место на лодочной пристани, куда выгружают груз или товар.

[2] Беля (*помор.*) – выражение, употребляемое поморами во время плавания, когда стоит штиль, для того, чтобы вызвать попутный ветер. Согласно распространённому среди поморов поверью, во время полного штиля на море возможно вызвать легкий ветерок, переходящий в настоящий сильный ветер, позволяющий продолжать путь на парусах. Для этой цели один из находящихся на судне становится к мачте и, царапая её ногтями пальцев рук, с присвистом начинает звать: «Беля, беля, беля, бело лапка!» Это продолжается до тех пор, пока не почувствуется струя легкого дуновения ветра и парус зарябит.

[3] Итогом моего первого знакомства с этим необитаемым островом Белого моря стали «Пёрышки» (Методика поиска себя).

[4] Упорки (*помор.*) – рваная обувь; отрезанные от голенищ износившихся сапог ступни.

[5] Левосторонок (*помор.*). Бран. Нелюдимый, угрюмый, необщительный.

[6] Взавети (*помор.*) – в памяти, в мыслях.

[7] Толерантность (от лат. *tolerantia* – терпение) иммунологическая, отсутствие или ослабление иммунологического ответа на данный антиген. В токсикологии и фармакологии термин «Т.» обозначает снижение чувствительности к токсичным и фармацевтическим препаратам (например, к наркотикам). (Большая Советская Энциклопедия. М.: «Советская энциклопедия», 1969–1978.)

[8] «Первая книга Моисеева. Бытие», глава 19.

[9] NN.

ВЗЛЁТ

Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля!
 Как таинственны туманы над болотами.
 Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед
 смертью, кто летел над этой землёй,
 неся на себе непосильный груз, тот это знает.
 Это знает уставший.

Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита»

Не стану скрывать: усталость... гнетущая усталость – от мира, от прогнозируемой траектории падения его, от назойливой пиар-пропаганды, от вездесущего гула цивилизации, от людей плохих и особо хороших (их-то уважить нужно «через-не-хочу»), усталость от себя... От всего! Именно усталость гонит человека с обжитого насиженного места в поисках скита, побуждает заползти в крепь, глухую нору, в тень, исчезнуть на время с глаз людских... Уставший не испытывает желания другого, помимо жажды одиночества, тишины, покоя... пусть даже вечного. Уставший человек – не человек... Сам себе делаешься в тягость. Само-оценка, покачнувшись, накренилась и, сколь ни укрепляй её, ни сдерживай подпорками, как ни подвязывай скрутками из проволоки – валится набок...

И тут мысль: рецепт-то есть!

Меню опробовано давно: «безлюдный остров в Белом море; на «первое», «второе» и «третье» – исключительно колодезная вода; вокруг на двадцать километров тоже вода, только морская, солёная, и свежий ветер, что доносит естественные краски, не синтетические – живые запахи и звуки».

23 мая

Первые сутки одиночества.

Ночь пролетела – не заметил как... Вчера провожатый привёз меня на остров лишь к полуночи, «по вечерней воде» (весь день море, несмотря на весёлое яркое солнышко и южный ветер, закипало, закипало... – нечего даже думать покидать рейд). Шторм, ежели перевести на баллы, вроде слаб, но эти невинные белые кокошники, венчающие хмурые свинцовые волны, могли в любую минуту превратиться в злую кипящую пену.

Первая ночь на острове прошла незаметно...

Уже под утро заметил через оконное стекло: ветер с южного сменился на западный, стало прохладнее. Однако поморская изба за две недели небывалой майской жары прогрелась и дышала живым радушным теплом. К тому же спальник – спалось в нём так сладко! Помните, у Глеба Горбовского – гимн... спальному мешку:

*Мой мешок – моя колыбель,
 мой писательский кабинет.
 Беспросветную муть-метель
 он сводил для меня на нет.
 Он набит клочками поэм,
 он прошит узорами строк.*

«Узорами строк»... хорошо бы.

Мои новые соседи-жильцы, мыши, всю ночь шуршали, беспрепятственно гомонили по какому-то поводу (думал, у них до гармошки дело дойдёт!), но вся эта фонограмма, в которую вплетался спокойный ритмичный плеск волн, лишь способствовала релаксации. Утром вставать не спешил – теперь спешить некуда – беззаботно повалялся на поморском ложе, вместо зарядки – прилежные потягушечки, вместо кофе в постель – размышления о высоком... Однако пора, по заповеди Экзюпери, приводить в порядок себя и свою планету. Сапоги надевать не стал – по-домашнему, в пластиковых галошах – в заимке и на улице. В избе – бардак! На плёсе, перед входом в избушку – следы мамаева попища: «Юстас – Алексу: разрешаю расслабиться!» (Засланцы современной цивилизации срач после себя оставили знатный!..) Мусор собирал в полиэтиленовые пакеты, набил пять штук – не вместились. Вырыл на опушке яму: пустые бутылки из-под водки, виски, консервные банки, использованные газовые баллончики, полиэтиленовые стаканчики и тарелки, всю срань, весь хлам – туда. А нераспакованную пачку каменной соли, две упаковки горчичного порошка (он-то им зачем... ноги парить, что ли?), банку сахарного песка вперемешку с мышиным пометом (словно зёрна тмина), пачку цейлонского чая, початую бутылку подсолнечного масла, бульонные кубики, перец горошком, лавровый лист в пластиковом контейнере выбрасывать не стал, сложил аккуратно на полку: вдруг рыбакам пригодится, всяко бывает. (Продукты хранились зиму в нетопленной избе, что им станет.) На генеральную уборку с ополаскиванием пола морской водой, будто палубы на корабле, ушёл целый день. Зато изба теперь – картинка! – не бедовка.

Сторожно хожу с веником по горнице, ступаю кромкой леса с лопатой наперевес, а сам всё прислушиваюсь к нутру, словно к яйцам в гнезде: не проклюнется ли какая строчка, не подаст ли сигнал свежее слово? Нет. Пока нет... Тишина. Ничего не пишется. Голова, душа – пустые. Это и понятно... Я ещё в себя прийти не могу: не верится, что вырвался-таки из цепких лап цивилизации, разорвал, как Гулливер в стране лилипутов, многочисленные путы, и сбежал, точно пёс, с огрызком

верёвки на шее (на сей раз добираться до острова было особенно трудно). В урбанистическом гетто сам себе не принадлежишь: время, силы до капли уходят на соблюдение традиций, обычаев, на гримасы и ужимки, одним словом – на «протокол». А подзарядка мне требовалась срочно: эмоциональная, энергетическая, смысловая, чувственная... Индикатор давно предупреждал об опасности, тревожно мигая красным огоньком.

Нет, о новых строках пока можно не мечтать...

Для того чтоб возликовал творческий дух, должен воцарить мир в себе, нужна светлая умиротворённость, сосредоточенность:

*Отступи, как отлив, всё дневное, пустое волнение.
Одиночество, стань, словно месяц, над часом моим! [1]*

А я пока весь от счастья дрожу, словно вырвался с шабаша нечисти... Вы попробуйте сами добраться на край Карелии к Белому морю, я посмотрю: дороги сюда, в тупик, считай нет; охотников отвезти на остров тем более не найти – проблема! – мужиков не осталось, вымирает старинное поморское село. А ведь Колежма с церковью Климента папы римского упоминается в летописи ещё в 1548 году! Благо люди у нас с понятием. Больше скажу: местное население с воодушевлением восприняло отмену автобусного сообщения с районным центром и закрытие средней школы. Смирение завидное: библейская притча о пощёчине – не в пример уступает. Федя, мой провожатый, доходчиво объяснил: «Так гуманнее очищать территории от коренного населения, чем на Востоке Украины». Сравнение показалось мне некорректным, но спорить не стал – дальше начиналась политика: споры-пререкания, распри, возмущение, брожение... Это – не моё. (Помнится, у Михаила Ходорковского проект по управлению Россией на первом этапе предусматривал именно такую дезактивацию провинции.) А вообще с ёрничаньем, с критикой власти пора заканчивать: с хозяйской руки кормимся – её же кусаем [2]. Французский писатель Жозеф Жубер признавался: «Если мой друг одноглазый, я смотрю на него в профиль». Не верю, что в такой огромной стране, как наша, нельзя найти привлекательный уголок, фрагмент, родинку... Найди себе и – любуйся, гордись! Даве наткнулся в социальной сети на занятный пост: «Не сри там, где живёшь!» Патриоты Ивановки призвали односельчан вываливать нечистоты в соседнюю деревню. Классный почин! А то ведь ничего святого не осталось: где столуемся – там и гадим. Некрасиво, товарищи. Похоже, у нас некоторые забылись, где находятся.

Под-рас-пус-ти-лись!..

Политика...

Ох уж эта заразная, точно стригущий лишай, навязчивая политика! Как «Свидетели Иеговы»: их – в дверь, они – в окно! Однако я не волнуюсь, по опыту прежних поездок убедился: трое суток в затворе без еды и... – меня абсолютно не узнать. Куда только деваются заведённость, желчь, ненависть к ближнему, дальнему? Остаются за порогом избы. Остров – средство надёжное! Сюда даже отголоски ток-шоу не долетают. Интернета нет, телефон не ловит. Все замечания, претензии к миру сжимаются до собственных масштабов, желания становятся прозрачными, бестелесными, духовными, стоит лишь на завтрак, обед, ужин вместо аппетитных яств принимать регулярно... блаженную тишину. Как там у Вознесенского!..

Тишины хочу, тишины...

Нервы, что ли, обожжены?

Тишины...

чтобы тень от сосны,

щекоча нас, перемещалась,

холодящая словно шалость,

вдоль спины, до мизинца ступни,

тишины...

О!!!

Гуси!.. Целая стая!!! С шумом крыльев, плеском, гоготом – прям курсанты мореходки – опустились в заливчик рядом с избой – из окна хорошо видно. До ближнего гусака метров тридцать, не больше: подплыл к берегу, по-матросски вразвалочку вышел на песчаный мысок – голова настороженно застыла, прислушался, успокоился и, приняв боцманскую осанку старослужащего, хлётко зааплодировал себе крыльями. Гуменник. Красавец... (А топила бы печь, стая за версту б облетела.) Я неосторожно ослабил затёкшую ногу, доска подо мной предательски скрипнула – идиллия была нарушена: гусь встрепенулся, прижался к земле и, неуклюже разбежавшись по берегу, взлетел, досадно матерясь. Сторожевой его клич утонул в пререканиях, гомоне и шуме крыльев.

Таиться в избе не имело смысла, я выбежал...

Тяжёлые гуси подались следом за вожаком, разделяя его досаду и с укором оглядываясь на меня...

А я...

Так хотелось тоже оторваться от земли и лететь, лететь, лететь вместе с ними... Ничего, скоро и я смогу...

24 мая

Не родилось ни одной строки, хотя за плечами две ночи.

В этот раз я как чувствовал: с творчеством будет сложнее и придётся увеличить срок пребывания на острове до десяти суток! Это тоже затруднило по-иски провожатого. Из местных никто не соглашался брать деньги «в оба конца», лишь осыпали язвительными усмешками, обращаясь ко мне в третьем лице: «На такой жаре труп разбухнет, кто станет его воровать, вывезить?..» Мне пришлось оставлять расписку, даты приезда-отъезда обозначать цифрами и прописью – алиби-отмазка для следователя прокуратуры: мол, решение погибшим принималось самостоятельно, осмысленно, не в состоянии аффекта, не под влиянием наркотических или там психотропных веществ... Объяснять мужикам истинную причину поездки бесполезно:

*Ибо иго Мое благо,
и бремя Мое легко.
От Матфея, 11, 30.*

Да, всё просто!..

Отправляться на остров – не значит подвергать жизнь риску бесцельно, искушать Господа... Наоборот, прочищу канал, заваленный рухлядью, восстановлю духовную связь с Ним. Я не искушаю Создателя – доверяю Ему. Доверяю больше, чем себе.

К тому ж предпочитаю идти путём своим – «the road not taken» («непроторенной тропой») и понимаю: наступило привыкание организма к прежним лишениям, неудобствам, а для творческого поиска надобен стресс! Основательный вздрог, «пограничная» ситуация! Как там, в российской рекламе: «Шок – это по-нашему!» Струны души ослабли, нестройно дребезжат, не выдерживают ритмичный бой – нужно рисковать. Познать скрытое художник может, лишь тет-а-тет пообщавшись с бездной, и, не исключено... уплатить за знание жизнью. Великий Ницше учил: только «опасно» проживаемая жизнь считается жизнью.

Внутренний змей-искуситель присоединился к хору скептиков и гнусавил:

– Человеческий век недолог, как рында-булинь – тресик судового колокола. Одно твоё слово, и – карбас повернёт назад, в село, к мирянам. У хозяйки на плите наваристый борщ, яичница шкварчит на сале, сладкий горячий чай... Ну!

– Нет.

– А ежели твоя поездка только туда... – в один конец?

– Возможно, но ожидаемый результат стоит того.

Когда все «да», подобно кусочкам мозаики, твёрдо встали на свои места, в поддержку родились строки:

*Свет постоянно! Зачем?
Свет постоянно... Вопрос.
Свет круглые сутки – взашей!
Свет круглые сутки – допрос.*

*Око палящее – выжженная земля!
Око палящее – марево, суховей.
Солнце в зените – вымершие поля.
Солнце в зените – сдох соловей!..*

*Ночь – россыпь алмазов!..
Ночью растут мечты...
Ночь – время для сказок.
Ночью дышат цветы.*

*Солнце и тьма – испокон.
Музыка слов – гармония!
День ясный и ночь – закон...
Инь-янь половинки – симфония!*

...

– Пусть всегда будет свет?
– Нет.
– Мир пусть будет всегда?
– Да!
– К поворотам судьбы готов?..
– Яволь!
– Вечной пусть будет жизнь!
– ...Уволь.

А что касается опасности!..

Белое море требует к себе отношения уважительного и панибратства, пижонства не прощает. В прошлом году турист пытался с острова перейти на материк по кечкаре, дойти не успел – прилив настиг его...

У-уу... Рукав душегрейки-то у меня на локте совсем истрепался – срочно чинить! Достал ремонтный набор: иголки, нитки, несколько лоскутков фланели для заплат, неспешно принялся за рукоделие. Фуфайку бы давно пора заменить, однако нынче таких не шьют. Может, кто помнит: пограничная ватная поддёвка под бушлат, с цигейковым воротником, плотно облегающим шею, с крючком у ворота и хлястиком на пуговице – никакой ветер шею не продует; запястья окольцованы трикотажными манжетами. А сколь тёплая, мягкая, душевная... – на футболку надеваешь, и в нетопленной избе такая благодать!..

Так, на чём я остановился?
«Причины-следствия непопулярного решения».
Сейчас...

Левая рука – внутри рукава, помогает, поддерживает, в правой – игла. И стежок за стежком, стежок за стежком, следом за мыслью...

Зуд приключений начинается обычно со скуки. Тягучая скука-скучища – главная причина вязко-однообразной депрессии... Туман-вата – в ней начинаешь задыхаться, как в серой летучей пыли. Сперва дёргаешься туда-сюда – пытаешься найти выход из патовой ситуации. Явственно слышу упрёк мамы: «Всё от безделья!» Пожалуй... Мамочка носила по жизни клеймо «дочь врага народа», была сослана в Сибирь и беды, тягловой работы хлебнула вдоволь... (Деда записали вместе с половиной жителей карельской деревни Куккозеро в финские шпионы, маму – в пособники: ей в ту пору минуло ровно три года.) Она, родимая, скуки не извела – надзиратели позаботились.

Однако я своей скуке благодарен:

*Боль к эйфории летит через скуку
И маятником – назад.
Без передышки не выдержать муку –
Счастья-беды перепад.
...*

*Скука – начало координат и ноль.
Скука – космоса карамболь...
Скука – вынужденный простой «на шару!»
Скука – жди своего шара...*

*Скука – не по карману всякой чёрни.
Скука – зря её не черни!
Скука – сомненья и строгая схи́ма.
Скука – недо-оценима.*

*Скука – горячки, сует забвение.
Скука – зреет решение...
Скука – принимай все сигналы. Пойми:
Скука – роздых перед «гони!».*

Бой созерцателям и прожигателям жизни, бой тунядцам-бездельникам! Да здравствует физический труд! Труд, пусть каторжный, пусть с кайлом на урановых рудниках, как у моего деда Андрея, или на лесозаготовках, как у бабы Шуры, – до посинения, до голодных обмороков, до смерти! Кто знает, может, в этом и есть счастье? (Лекарство от скуки – точно!) Во всяком случае Иосиф Бродский о своей ссылке в Норенскую, об исправительно-трудовых работах, к ко-

торым приговорён был решением народного суда за тунядство, вспоминает с восторгом: «Один из лучших периодов в моей жизни. Бывали и не хуже, но лучше – пожалуй, не было» [3]. А вот истинный сиделец Варлам Шаламов (17 лет лагерей) – мой любимый поэт-прозаик – не согласен: «Физический труд – проклятие человечества, и ничего не вижу привлекательного в усталости от физической работы. Эта усталость мешает думать, мешает жить, отбрасывает в ненужное прожитый день. Поэтизация физического труда ... рассчитана не на людей, которые обречены им заниматься». Томас Гоббс, тот вообще называл досуг «отцом философии».

Меж тем русская литература слагает хвалебные оды не просто стреноженным условиям жизни, даже не подневольному труду, но – Его величеству концлагерю как стимулу для вдохновения пиита...

Александр Солженицын признаётся: «Лагерь направил меня наилучшим образом к моей главной теме. Благословение тебе, тюрьма! Кто не сидел, тот не познал до конца жизнь! Я душу там взрастил». И опять ему возражает Шаламов, прочитавший повесть «Один день Ивана Денисовича» [4]: «Растлевающая сила лагерей велика и многообразна. Опыт лагерной жизни – весь отрицательный. Даже день, даже час не надо там быть. Я видел много такого, чего человек не должен, не имеет права видеть. Душевные травмы – непоправимы. Душевные «обморожения» – необратимы. Остатки мяса на костях колымских «фитилей» – лишь для злобы или безразличия, равнодушия». И, словно восстав из преисподней, вспоминает, поучая наивняка: «Беглец, которого поймали в тайге и застрелили, «оперативники» отрубили ему обе кисти, чтобы не возить труп за несколько верст, а пальцы ведь надо печатать. А беглец поднялся и доплелся к утру к нашей избушке. Потом его застрелили окончательно». Рассказывает плотник, работавший в женском лагере: «За хлеб, конечно. Там, В.Т., было правило – пока я имею удовольствие – она должна «пайку» проглотить, съесть. Чего не дост – отбираю обратно. Я, В.Т., с утра пайку кину в снег, заморожу, суну в пазуху и иду. Не может угрызть – так на трех хватает одной «пайки». / Свитер шерстяной, домашний чай-то лежит на лавке и шевелится – так много в нем вшей. / Состояние истощения, когда несколько раз за день человек возвращается в жизнь и уходит в смерть. / Все это – случайные картинки. Главное не в них, а в растлении ума и сердца, когда огромному большинству выясняется день ото дня все четче, что можно, оказывается, жить без мяса, без сахара, без одежды, без обуви, а также без чести, без совести, без любви, без долга. Все обнажается, и это последнее обнажение страшно».

А подытоживая, Варлам Тихонович бросил неубиенную фразу: «Мы знаем сталинское время – лагеря уничтожения небывалого сверхгитлеровского размаха, Освенцим без печей, где погибли миллионы людей. Человеческий мозг не в силах вообразить тех преступлений, которые совершались».

Прям как в русской поговорке: «Будет досуг, когда вон понесут». Три гения (из них двое – нобелевские лауреаты!) по одному вопросу имеют два взаимоисключающих, одно – нейтральное суждение. А нам – «живите как хотите!» Однако мой случай особый. Хвалят великие писатели опыт заточения либо проклинают – ВЫБОРА у них не было. Моё же затворничество продиктовано решением личным. Отличие кардинальное!.. И ещё один важный момент: «мотив». Мне довелось общаться с организаторами российской робинзонады, так они признавались: «Никто из участников не выразил желаний повторно отправиться на необитаемый остров, заново пройти испытание голодовкой!» А у меня во-яж... тре-еет-ий по счёту. Причина проста: я отправляюсь на остров не состязаться в выносливости с сеньором Робинзоном, ни тем паче худеть, а... думать. Для активизации мыслительного процесса, для размышлений остров-голодай – самая что ни на есть тепличная среда. Причём духовные цели не оставляют места чувству обманутости.

Обычно возвращаюсь после такого голодания присмиривший, задумчивый... Количество дерьма на килограмм веса заметно снижается, физические страдания, самоистязание приводят волю в чувство. Помните у сектантов: «Себя хлещу – Христа ищущу!» Даже если бы у моего проекта не было творческой составляющей, то освободиться от врождённой тяги к вандализму-садизму разве мало? «Энергию атома – в мирных целях!» Это ж здорово!.. Не скрою: мой способ обуздания своих разрушительных стихий имеет недостатки: хлопотно, накладно. Он для тех, у кого ничем и никем неограниченное свободное время. А существуют варианты вполне бюджетные: «шило в *gluteus maximus* быстро и надёжно избавит вас на время от всего наносного, неглавного; поможет встряхнуть, выправить мозги». Дёшево и сердито. Советую настоятельно!

Аналоги своей методы я обнаружил и в жизни, и в научных статьях. Жизнь – тут наглядней: Васе, соседу, по пьянке разбили бутылкой голову; не поверите, сразу с законной женой стал общаться нежно, ласково: «Валюша!..» В ответ дражайшая супруга окружает Васю заботой, меняет на голове холодные компрессы, сама не нарадуется: «Господи, всего один раз по башке... бнули хорошенько, и сразу на человека стал похож!..» Что

касается монографий, есть замечательная книга Конрада Лоренца «Агрессия (так называемое «зло»)». Знаю, у читателя руки не дойдут, потому вкратце перескажу суть: агрессия накапливается в каждом человеке и, не находя выхода, спонтанно обрушивается на «врага» – члена семьи, коллегу, соседа по дому, по стране. Автор предлагает способ, испытанный на себе: он советует, коли руки чешутся нестерпимо, подменить врага на эрзац-объект, дать агрессии выход, добившись катарсиса искусственной разрядкой, «малой кровью», например, вдребезги разбить недорогую тарелку. Наглого скорпиона в собственной душе лучше обуздать самому – не ждать, пока Господь отрядит для этого внешние силы. Вспомнились свои строки... (пока не пишется, духовно подпитываюсь старыми запасами):

*Взять бы первую высоту –
Дальше пойдёт само!
Пойдёт, коль соседи не тормознут
И не применяют «сумо»...*

Фуфаечку подлатал... Всё – чин-чинарём! Теперь ещё послужит. А серая фланелевая заплатка на фоне хлопчатобумажной ткани защитного цвета, помимо прочего, будет служить приятной весточкой-напоминанием: при каких душевных обстоятельствах проистекло дело.

25 мая

Шли четвёртые сутки...

Скажу по опыту: исход третьей ночи – самое трудное время голодовки. (Вам, дорогой читатель, предлагаю на этом месте сделать рекламную паузу и перекусить. Заметил: обычно сама мысль о суровой диете, недоедании, действуют на людей как аперитивчик...) Внутренний голос предпринимает вторую – решительную попытку образумить:

- Хватит с жиру беситься! суши вёсла!
- Нетушки, с дистанции не сойду.
- Погляди-ка на него...

С одной стороны, вроде бы внутренний голос прав: трое суток я выдержал, впечатление получил, но как же с творчеством?! Да и поститься, говорят, полезно... Давно замечено: ограничение количества калорий благотворно сказывается на состоянии организма в целом – уходят шлаки, токсины, избыточный вес, повышается мозговая активность. Человек становится более собранным, чуть менее ленивым, запоминает, понимает лучше, взгляд становится ясным. «Кстати, йоги считают голод одним из самых действенных лекарств и предрекают, что мир в бу-

душем будет лечить половину заболеваний не сульфидином, а недельной голодовкой» [5].

Перед отъездом перечитал первые части предполагаемой трилогии – «Пёрышки», «Вешки». Тексты абсолютно разные, как разным бываю я. Не в каждом абзаце можно уловить связь со стихотворчеством, но всё же косвенно она существует. Пути Господни неисповедимы! События ведь не всегда развиваются прямолинейно, по сценарию «Пуля – дура! Штык – молодец!» Иначе на Белом море писалось бы исключительно про «семь футов под килем», ром да «бомкливер-галс». Сейчас зарождается заключительная, третья глава. А всё произведение, на мой взгляд, объединяет главный лирический герой – Остров. Трилогию так и назову. В тексте, больше похожем на судовой журнал, я честно фиксировал и продолжаю вести стенограмму событий. Изучив её, можно проследить, как докатился до рифмы, ритма – так врачи, разрабатывая вакцину, испытывая действие зелья на себе, скрупулёзно описывают ход болезни... вплоть до смерти. Иосиф Бродский заявлял, что он «ненавидит прозу», писание прозы – «проституция» [6]. Ради справедливости замечу: взгляд свысока на первую древнейшую профессию не мешает пользоваться её услугами... А в целом с нобелевским лауреатом согласен: рифмованные строфы я тоже ценю несоизмеримо выше, и потому мельчайшие подробности их появления для меня дороги.

Возвращаясь к «Пёрышкам», «Вешкам»...

Когда пух у птенцов, обновляясь с ростом, превратится в многослойный перьевой покров; когда перья контурные – маховые, рулевые – нальются силой и крылья получат вселенский размах, когда маршрут наконец спланирован, путеводные ориентиры определены, остаётся самое желанное – взлетать!

*Мечта «взлететь!» одолевает не только птиц.
Каждый художник лишь об этом грезит...*

Взлёт не всегда выглядит завораживающе, как, например, у грациозных журавлей: с курлыканием, с изящными па, словно в пантомиме. Мальчишки – неугомонные конструкторы, фантазёры – взлетают иногда так:

*Есть такой порошок, с ним летать хорошо,
Называется порох [7].*

И сам полёт складывается не всегда однозначно, иногда – как в поморской поговорке: «Если чайка летит жопой вперед, значит, ветер очень сильный». Иными словами, гарантий нет и быть не может...

Что же тогда есть?!

Есть риск за гранью здравого смысла. Есть жгучая светлая мечта, перерастающая в навязчивую потребность. И есть мудрые учителя-наставники. Честно признаться, я ведь на острове не один... Со мной любимые поэты, прозаики, философы, учёные-математики... Мне нет-нет да и вспомнятся строфы Шаламова, Горбовского; я занозисто заспору с Перельманом, Бродским, Сенекой; войду в раж, восхищаясь гениальными стихами Пастернака, Цветаевой, Рождественского, Вознесенского... Я – homo legem, человек читающий. И главное – я только здесь явственно ощущаю присутствие Создателя. Он, именно Он – главный молчаливый режиссёр всего действия.

Прошло целых два года, прежде чем я смог снова попасть на остров в Белом море: остров – главный лирический герой трилогии; остров, который теперь на полном основании считаю своим; остров, который, точно спасительный маяк, вёл меня, новоявленного Одиссея, от дома – домой:

*Душенька – гостья у чрева,
Мало ей зрелищ и хлеба –
Словно корнями вверх древо,
Живёт, лишь вращая в небо...*

...

*«С каждым шагом всё дальше от Бога!» –
Знамённо в юности я мечтал,
Уходя от родного порога,
Верстовые столбы не считал.*

*Горько бывало. Бывало больно.
Советы все помня папины –
Мне в трудностях становилось вольно.
Я шёл и шёл – ни царапины!*

*Может, не прав! Наверно, от лени...
Шёл я, решив не сворачивать.
Вдруг уткнулся к Нему в колени...
«Дома...» – изрёк озадаченно.*

26 мая

Четвёртые сутки – за спиной! В голове – лёгкое вальсирование, в теле – слабость, в душе – покой.

В «покойном» состоянии я и пустился в обход своих владений... Каждый день – этот торжественный церемониал не отменяется ни при какой погоде – я, как губернатор острова... (так и слышится остаповский сарказм «острова Борнео»), поднимаюсь на вершину горы и наблюдаю отсюда, сверху, за миром.

Теперь, поднимаясь, нужно быть предельно осторожным. Ломать себе конечности – не время, не место. Дождавшись отлива, в галошах неспешно обогнул остров по кечкаре с юга и стал подниматься на вершину скалистого мыса. Взял чуть левее, краем обрыва и, засмотревшись вдаль, едва не наступил на гнездо чайки. На каменистом пятачке, поросшем мхом, ничем не прикрытые – на самом виду – лежали два яйца, выкрашенные в модную – цвета «милитари» – камуфляжную расцветку: зелёные, усыпанные чёрными бесформенными пятнышками. В метре пройдёшь – не заметишь. Лишь сейчас обратил внимание на чайку, пикирующую в панике в небе, высоко над головой.

– Извиняюсь, извиняюсь... Больше такого не повторится, – я попятился и обошёл гнездо далеко стороной.

А вот и моё кресло. Ещё в самый первый приезд на остров обнаружил трон, вырубленный в граните. Мерку, похоже, снимали с меня: пятьдесят восьмой размер. Сижу лицом к югу, там сейчас солнце. Сижу, расслабив вытянутые ноги, жмурюсь, купаюсь в нежных лучах космической жар-птицы...

Ресницы слегка зашторены.

Глаза – прижмурены...

Солнце чрез веки... что-то едва оранжевое... Лёгкий бриз ластится... свежит лицо. Мысли утекают... Убаюкивающие колыбельные чаек. Приятная сонливость...

Извините, дальше не помню.

27 мая

Сегодня – День Святой Троицы.

Прилежные православные «ходят» в этот день на службу в церковь, наемни посещают кладбище, поминают родителей. По утверждённым канонам я не попадаю в число «прилежных» – нужды вспоминать родителей не имею, поскольку ПОМНЮ О НИХ ВСЕГДА – не раз в году на праздник. Общаюсь мысленно, спрашиваю совета, отчитываюсь о своих успехах-неудачах – ежедневно. Об успехах, признаюсь, сообщать приятнее:

– Мама, батя, пять суток покорены.

«Покорены». Я усмехнулся... как у альпинистов. Хотя, пожалуй, так и есть: каждые сутки здесь – экстрим, одоление себя.

Ночью резко похолодало: прибрежный мыс забит льдинами, на окнах иней, изо рта при дыхании – пар... Я давно проснулся и коротал часы до рассвета под вой ветра, зябко укрывшись с головой. Вылезать из спальника не хотелось, но вставать пора –

день зовёт... Сегодня печь протоплю как следует, в холоде особо не помечтаешь. Вспомнилось откровение Шаламова: «Работаю только летом, зимой холод сжимает мозг». У меня, похоже, «мозг сжимает» при любой температуре. Прошло пять суток, и – тишина. Ни строчки! Стылая вода обожгла лицо, сгоняя остатки сна. Кушать хотелось нестерпимо... В тепле голод переносить легче, не требуется калорий на согревание организма, сейчас положенные «тридцать шесть и шесть» по Цельсию нужно было ещё чем-то обеспечить. Человек существо теплокровное, не земноводное всякое. Это лягушка на зиму вмерзает в лёд – до весны в анабиозе дрыхнет себе, похрапывает, хоть бы хны. А если её постепенно нагревать в холодной воде, то даже не заметит, как сварится. Нет, у нас по-другому...

Уже хочу не есть – жрать...

«Телефона, телефона! Чукча кушать хочет».

Пока растапливал печь, пока языки пламени заползали на поленья, перебираясь с одной лучины на другую, я нет-нет да и бросал взгляд на полку с продуктами. Внутренний голос взмолился:

– Ну хоть чайку горяченького?.. А?

«Может, действительно?» – промелькнула мысль.

– Бать, ты как думаешь?

Хотя наставления отца мне по жизни известны: «Держи голову в холоде, живот – в голоде, ноги – в тепле». «Живот в голоде...» Откуда ему было знать, что сын решится голодать неделю...

– Мам?

– Ешь на здоровье, поминай нас.

Довольно! Голодовку заканчиваю. Баста!..

Правду знаешь только ты, дорогой мой Читатель, а друзьям, родственникам доложу: «Стойко терпел, страдал десять суток: от звонка до звонка». Друзьям... им можно наплести чего угодно: один хрен, не поверят, что я способен пропустить хотя бы ужин...

Кастрюльки нет, в глубокую эмалированную сковородку плеснул воды, снял с плиты кружок, поставил на огонь. Уселся напротив, глаз не свожу, не мигаю, поскуливаю, сучу ногами... Вода закипела. Туда – бульонный кубик и три бульки подсолнечного масла (записывайте!), минут пять кипятил. Ложек нет, кружек-стаканов тоже. Как столываться? Из мусорной ямы выкопал консервную банку – круглая такая, плоская, вскрыта на цивилизованный манер, колечком-ключиком, не то что в советские времена: если консервного ножа под рукой не случилось, то – топором или камнем, а потом куски варёного мяса, желе слизывает с кустов, собираешь по траве. Кромка-ободок на банке – помеха! Ни зачерпнуть в плоской сковороде, ни к губам толком приложить... Плоско-

губцами – имеется в комплекте перочинного ножа фирмы «LEATHERMAN» – ободок оторвал. Теперь гладко! Вот вам и ложка, и кружка, и миска – в одном. (Лихерман этот, судя по всему, – мой земляк! Уж больно хороший нож...)

Где там варево-оо?..

Ну, за родителей!.. Слава тебе, Господи!

Уау!..

Я мысленно провожал каждый глоток горячего бульона по маршруту «рот-гортань-пищевод-желудок». Ребята!.. Вот где счастье-то... Песня! Блаженство-оо! Высшая стадия. Ни разу в жизни так смачно, лакомо не трапезничал. Ни в одном ресторане такого изыска ни за какие деньги не подадут. Мамочка, не избалованная излишествами, считала: «Сколь раз поел, столь в раю побывал». В ссылке в Восточной Сибири побывать в раю ей удавалось не каждый день... А помните, о чём мечтал надзиратель Фидель из повести Сергея Довлатова «Зона»: «Наступит дембель, приеду я в родное Запорожье. Зайду в нормальный человеческий сортир. Постелю у ног газету с кроссвордом. Открою полбанки. И закайфую, как эмирский бухар...» Оказывается, не так уж много нужно человеку для счастья – лишить на какое-то время привычных удобств да поморить как следует голодом – всего и делов. Рекомендую – фирменный советский рецепт.

После бульона ополоснул сковороду, в ней же вскипятил чай.

Горячий приторно-сладкий чаёк...

Куда и слабость делась... Опять организм бодрячком!

Ф-ффу...

На-рю-хал-ся.

Питание попало в топку и... – пошёл, покати прилив сил...

Мысли, идеи, под стон морянки – напором!..

Стоп!

Стоп... блокнот! ручку!

*Белые барашки,
Белые барашки!
Катятся по морю
Волны и ледяшки.*

В реальности картинка на море разворачивалась не столь идеалистичная, далеко не лубочная, но какая разница? Творчество без фантазии – мертвечина! К тому же, когда пишутся детские тексты, я сам радуюсь как ребёнок!.. Значит, не

окончательно огрубело сердце, способно ещё на положительные эмоции и наивный взгляд. Прямо на глазах, под пиратский свист ветра, под плеск задиристых солёных волн рождалась задорная детская песенка про капитанов:

*Белые барашки,
Белые барашки!
Катятся по морю
Волны и ледяшки.*

*Все мы – капитаны!
Все в душе матросы.
Не страшны шторма нам,
Снежные торосы.*

...

*Белые барашки,
Белые барашки!
Катятся по морю
Волны и ледяшки.*

*Чайки – наши юнги,
Альбатрос – дозорный!
Мы поднимем парус
Вышитый, узорный.*

Слава тебе, Господи! Вот спасибо!

Это – черновой, первый вариант, понятно, его ещё править и править, и всё же здорово-то как! Выходит, на сытый желудок так лучше пишется?! Прям готовыми песнями, с куплетами и припевами... а ехал-то дожидаться вдохновения и голодать. Чё-то тут не так. В этот раз всё напутано...

Не терпит творчество шаблонов!

Тепло постепенно заполняло пространство избы и я, прямо в одежде, прилёг поверх спальника, переваривая впечатления, эмоции, мысли... Незаметно для себя заснул. Проснулся от дребезжания: пустую канистру у входной двери ветер опрокинул, покати по камням... Смеркалось. Я укутался теплее прежнего и отправился в обход вотчины. Отворил дверь, вышел на улицу: моря не узнать – разгулялось, рассвирепело. Пока медитировал на вершине скалы, северный ветер раскалился, распоясался окончательно. Застегнув меховой ворот фуфайки дополнительным хлястиком, я стал спускаться, обходя остров по кругу. Ветер на миг то ослабевал, будто море набирало воздух в лёгкие, то со свистом, гулом усиливался, ощутимо упирался мне в грудь и останавливая невежливым порывом. Ледяные глыбы

вылетали из солёной пучины, с грохотом обрушиваясь на скалы, а следом по морю шли и шли на штурм острова новые льдины, большие и малые... Их тьмы и тьмы... Морская пена сбивалась в комья, спрятавшись за валунами от свирепого ветра, и дрожала от холода, страха... Ошмётки её хлопьями летали над островом, дополняя сюрреалистичную картину ужаса в формате 5D.

Луна в полный диск висела над морем, тускло подсвечивая золотым блеском штормовой шабаш. Сила!

Дух захватывает от дикого восторга.

Я окончательно продрог и вернулся в избушку.

Входную дверь за собой плотно притворил, едва приглушив морской рёв. Ураган свирепствовал всюду. Треск деревьев, хрипящий шелест прошлогодней травы, скрежет льдин завораживали меня. Тем временем смеркалось... (В непогоду с чёрными тучами темнеет быстрее.) Я сел за стол, зажёл стеариновую свечу, открыл блокнот, перекрестился на иконку Николая-чудотворца и... почувствовал... как несмело... то останавливаясь, то ускоряя движение, поодиночке и парочкой стали проклёвываться слова...

*Ветер крепчает, и стонет морянка,
В раме стекло дребезжит.*

Что-то прорывается...

*Волны лютуют – воля-гулянка...
Пена за камнем дрожит.*

Ну! Ну...

*Море всех «на разрыв» проверяет,
Как парус и такелаж.
И штурвал лишь тому доверяет,
Кто входит от моря в раж!*

*А дома, где лишь его не хватает,
Здесь на родном берегу...
Творя молитву, любимая знает:
«Милый, тебя берегу!»*

...

*Тут ничего вполсилы
На Белом студёном море.
Кому свой уют милый,
Тому – не радость, а горе.*

Лоно моей сказочной избы животворит.
Значит, жив пока и я!

Поймите, ни сейчас, ни раньше не оценивал собственные строки с точки зрения художественной исключительности, эпохальности, весомости для всего человечества... *Sub speciae aeternitatis (лат.)* – с точки зрения вечности. Я просто рад щедрому подарку от Бога. В творчестве, как и в любви (если кому повезло испытать это дивное чувство), сам процесс вызывает такую эйфорию, восхищает, манит настолько, что о результате порой забываешь. Свои литературные произведения – прозаические ли, ритмические люблю безотчётно, как собственных детей, никогда не откажусь от них, не брошу. Однако грязно домогаться аплодисментов в их честь, насильничать публику, заниматься сводничеством-сутенёрством – не готов. Нужно иметь гордость. К тому же столь сомнительная активность не поможет признанию моих крошек светом. Мои строки – не такие, как все... Они ждут свою любовь, с непорочной невинностью раскинув ноги.

28 мая

Под утро шторм стих. А я-то думал, раз морянка – пиши пропало, неделю лютовать будет. Встану-ка пораньше и встречу восход солнца на скале...

Великий Боже, сколь хорошо здесь!

Как одушевлён чудный остров. Диву даёшься... Наше взаимное чувство привязанности – доверительное, очень искреннее – прошло испытание временем, не выцвело. Природа... лес, море – как всё странно сливается и создаёт зеленое волнение. Высота – крыша девятиэтажки. На флоте есть такое понятие – «дальность видимости», значение вычисляется формулой:

$$D_p = 2,08(\sqrt{e} + \sqrt{h}).$$

В формуле «e» – высота глаз наблюдателя, «h» – высота наблюдаемого предмета. Так вот, с вершины острова я вижу куда как дальше, зорче. А кроме того, для воображения преград нет. Можно парить наравне с чайками, даже выше – законы гравитации на творческую фантазию не действуют. Кстати, об ограничениях... Недавно меня огорчило сообщение учёных – математики на основе теоремы Пуанкаре рассчитали: наша Вселенная... наша бесконечная Вселенная в реальности представляет собой замкнутую трёхмерную сферу. В пику им, пользуясь методами

познания метафизическими, мистическими, лингвистическими, скорее имеющими отношение к вере, чем к физике, именно на острове открыл я СВОЁ НОВОЕ СЛОВО.

Слово, дерзнувшее преодолеть земное притяжение.

Слово, способное на взлёт.

*Бесконечности вместо – сфера,
Трёхмерностью ограничена.
Математика – вместо веры...
И к Земле жёстко воля привинчена.*

*Блестящие грани сдвигаются,
Кубик Рубика – створки адские.
Судьбы-векторы в нас бодаются
Европейские... азиатские.*

*Вправо-лево замыслы ринулись,
Кувыркнулись фигуры помпезные,
Будто ножниц лезвием цвыркнули
По мечтам, превратив в обрезные.*

*Бесконечности вместо – сфера,
Трёхмерностью ограничена.
Математика – вместо веры...
И к Земле жёстко воля привинчена.*

Душа задыхается в рамках!..

...

*Но безмерно Богоявление,
Человецы суть недопознана.
Свидетельством – сердца биение,
Аналитикою осознанное.*

*А жизнь не имеет конечности –
Из кокона бабочка вылетит.
Человек – ровесник у вечности,
Если только он в Бога верит.*

Вернулся в избушку в каком-то состоянии восторженного блаженства, потянулся на спальном ложе и закемарил... Пробудился от топота на пороге. Глаза продираю – сват.

– Саня, собирайся. Сегодня еду на машине в город, хочешь – поехали вместе. Если нет – оставайся, но приедут за тобой осенью, не раньше, когда охота начнётся.

Я сел на полатах, окидывая рассеянным взглядом избу:

– Нет, до осени мне не дотянуть...

Потянул к себе сапог – тяжёлый... Руку внутрь –

пакля, сухая трава... Так вот почему у мышей каждую ночь беготня – гнездо в моём сапоге устроили:

– Соседи, без спросу разве можно... А! Некрасиво получается, как-то по-людски...

Я стал собираться, укладывать пожитки, осмысливая итоги поездки. Остров творчества, вдохновения... ОСТРОВ ОТКРОВЕНИЯ научил – открыл столь многое в моей собственной жизни, что едва я смог всё понять, принять и, пропустив через поэтическую мясорубку собственной души, превратить в слово. Слово, которому по силам раздвинуть привычные границы. Слово, способное преодолеть их. Остров вселил веру в свои силы, помог осознать, что не только я нуждаюсь в поддержке, но и слова мои, написанные от души, от сердца, способны, возможно, кого-то ободрить:

*Ты до конца слагай свои руны.
Музыка греет, нежно дыша...
Пальцы черствеют, ложась на струны,
Но ранимой должна быть душа.*

*Мир рушится день за днём –
Найди своё место в нём.
Молитву твори не за упокой –
Свет в этой жизни открой.*

Свет в этой жизни открой!

...

*И, продолжая игру до конца,
Как ни в чём не бывало – пой!
Чтоб загорелся светляк в оконце
И ёкнуло сердце – «свой».*

*Мир рушится день за днём –
Найди своё место в нём.
Молитву твори не за упокой –
Свет в этой жизни открой.*

Свет в этой жизни открой!

...

*Пусть будут тебя хулить и терзать,
А всё ж подпевай скворцу.
И сам продолжай молитвой взывать...
Взывай!.. Всё взывай к Творцу!*

*Мир рушится день за днём –
Найди своё место в нём,
Молитву твори не за упокой –
Свет в этой жизни открой.*

Свет в этой жизни открой!

...

*Пусть с небес – железо и пламя...
Стой за истину в тебе
И подними с Его ликом знамя –
Собой подбодри небо.*

*Мир рушится день за днём –
Найди своё место в нём.
Молитву твори не за упокой –
Свет в этой жизни открой.*

Свет в этой жизни открой!

* * *

Теперь – домой, по свежим следам, не растеряв ни крупички впечатлений, парадоксальных догадок, находок, изложить всё письменно, переведя незримое в формат кириллицы. Я прощался с островом, будто навсегда... было грустно. Всё когда-то случается в последний раз.

Однако,

*Если только жив я буду,
Чудный остров навещу.*

г. Москва, июнь 2018 года

□

Примечания:

[1] В. Брюсов. «Отступи, как отлив, всё дневное, пустое волнение».

[2] Ещё в 1863 г. Козьма Прутков разработал и опубликовал проект: «О введении единомыслия в России». Из этого документа удалось внедрить в жизнь многое, но не всё... А может, следует поступить и того радикальней и, как предлагали братья Стругацкие, пороть за «невосторженный образ мыслей».

[3] Лев Лосев. «Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии».

[4] Письмо: В.Т. Шаламов – А.И. Солженицыну; ноябрь 1962.

[5] Фильм «Семнадцать мгновений весны».

[6] Бенгт Янгфельдт. «Язык есть бог. Заметки об Иосифе Бродском».

[7] Егоров Вадим. «Монолог сына, или Детская воздухоплавательная».

Александр Викторович КОСТЮНИН

родился и живет в Карелии.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Прозаик, публицист.

Автор трех книг прозы.

В ноябре 2007 года за книгу рассказов «В купели белой ночи»

стал лауреатом премии имени А.И. Куприна

с вручением памятного знака «За вклад в русскую литературу».

Член Союза писателей России.

